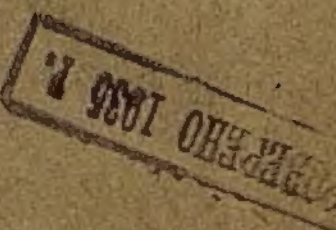
ОБРАЗЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

63.3(0)3
Б-90

В. П. БУЗЕСКУЛ



28.
68573

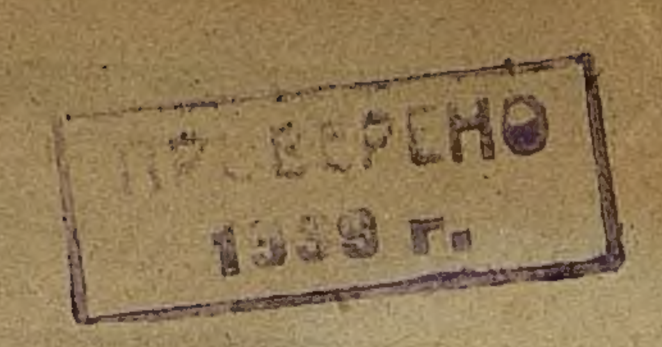
ПЕРИКЛ

ПЕТЕРБУРГ
ИЗДАТЕЛЬСТВО БРОКГАУЗ-ЕФРОН
1923

Дома Учителя

Включено
в
каталог

1941



ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
обозначенного здесь срока

Тип. им. Котлякова. 4 — 7 500 000. 1985 г. ЛГ-087-01-589.
Цена 0 р. 58 к. за 1000 шт.

БРОКГАУЗЪ-ЕФРОНЪ
С.П.Б.

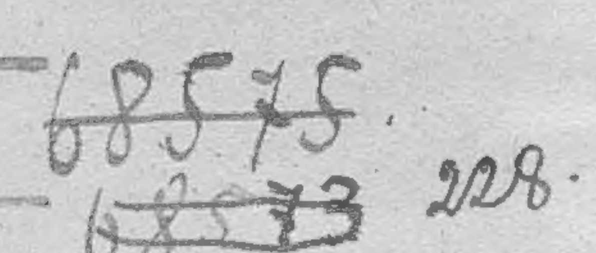
ТИПОГРАФИЯ ИЗДАТЕЛЬСТВА
БРОКГАУЗ-ЕФРОН
ПЕТРОГРАД, ПРАЧЕШНЫЙ, 6.

Петрооблит № 4815. Напечатано 3000 экз.

87(09)
Б90

9(03)
П-24

В. П. БУЗЕСКУЛ



ПЕРИКЛ

ЛИЧНОСТЬ. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ЗНАЧЕНИЕ.

ПРОВЕРЕНО 1935 г.

ПЕТЕРБУРГ
ИЗДАТЕЛЬСТВО БРОКГАУЗ-ЕФРОН
1923

БИБЛИОТЕКА
Обл. Дома Учителя

ПРОВЕРЕНО 1939 г.

I

С именем Перикла обыкновенно связывается представление о расцвете афинской демократии, греческого театра, особенно трагедии в лице Софокла, греческого искусства в лице Фидия и создателей Пропилей и Парфенона, и мы говорим: „век Перикла“. Хотя роль Перикла во всем этом часто преувеличивалась, тем не менее нельзя отрицать, что Перикл — одна из характерных, замечательных личностей в истории Эллады.

Чтобы правильно судить о нем, необходимо прежде всего припомнить, каков был общий ход афинской истории до него, и представить себе условия, при которых он жил и действовал.

Внутренняя история Афин прошла чрез те же стадии, что и история большинства греческих государств. Некогда и в Афинах существовала монархия, перешедшая во владычество аристократов; затем происходит борьба демоса с аристократией, является тирания, как демократическая диктатура, как пере-

ходная ступень к демократии, и наконец наступает господство последней. Только тут, в Афинах, процесс этот совершается еще последовательнее, еще постепеннее, нежели в других государствах-городах Греции, — больше путем эволюции, чем революции.

Природные условия и географическое положение Аттики, центром которой явились Афины, объединившие эту область, наложили свой отпечаток на ее историю: они содействовали развитию морского могущества Афин, а вместе с тем и их демократии. Не без влияния было и другое обстоятельство. Хотя предки афинян, ионяне, как и остальные греки, не были исконными обитателями, а пришли некогда на юг Балканского полуострова с севера, но это было в незапамятные времена, и афиняне смотрели на себя, как на коренных жителей, автохтонов. Дело в том, что во времена исторические, в эпоху племенных передвижений греков, вроде вторжения дорян в Пелопоннес, Аттика завоеванию не подвергалась: лежавшая в углу, не отличавшаяся плодородием, она не служила приманкой для завоевателя. Таким образом, в Аттике мы не видим той племенной розни, которая существовала во многих областях Эллады. Здесь не было двух резко отделенных друг от друга классов — победителей и побежденных. „Предки наши", с гордостью говорил впоследствии афинянин Исократ, „всегда отличались справедливостью в отношении к людям, ибо они не были смесью с дру-

гими племенами или пришельцами; из всех эллинов они одни автохтоны; та земля, на которой они родились, была их кормилицею, и любили они ее, как любят отца и мать". Это могло способствовать достижению равноправия и развитию демократических форм в Афинах.

Тем не менее, вражды и борьбы между различными социальными элементами не избегла и Аттика. Происходила борьба между знатью, евпатридами, и нисшим классом, демосом, борьба не только из-за политических прав, но и социальная, — явление, общее тогдашней эпохе. С развитием колонизации, промышленности, торговли растет демос, деньги становятся могучей силой: „деньги делают человека", по выражению поэта того времени. Выдвигается класс, который может быть назван греческой буржуазией. Рядом с знатным, родовитым землевладельцем, а иногда и выше его, становится представитель промышленности и торговли, денежного капитала, купец и мореплаватель. В лице этого класса возвышается демос, — название, обозначавшее в ту пору незнатных, кто бы они ни были: бедняк-земледелец, поденщик, простой ремесленник или неродовитый купец-капиталист. Движение это захватывает и Аттику, где географическое положение и природа страны содействовали морским сношениям и появлению класса торговых мореходцев.

Переход от натурального хозяйства к денежному сопровождался в Аттике тяжелым экономическим

кризисом земледельческого населения, задолженностью мелких собственников и гектеморов, шестидольников, обрабатывавших земли богатых и знатных за известную часть урожая (за $^1/_6$ или за $^5/_6$ — вопрос спорный). Тяжелый экономический гнет, суровость долгового права, обрекавшего неисправного должника на рабство, произвол и злоупотребления аристократии, чему отсутствие писанных законов открывало широкий простор, все это вызывало недовольство и смуту. Исполнение первого требования народа — дать писанные законы, законодательство Дракона массы не могло удовлетворить: „Драконова конституция", о которой говорится в „Афинской Политии" Аристотеля, открытой в 1891 г., по всей вероятности, есть вымысел, а социально-экономических отношений Дракон, наверное, не коснулся.

Когда социальные бедствия достигли высшего напряжения, когда крайние партии искали вождя, который сделался бы тиранном, и думали о насильственном коренном перевороте, переделе земли, — посредником и примирителем явился Солон. Своей сисахфией, состоявшей в прощении долгов и в запрещении давать взаймы под залог „тела", он, если не устранил совершенно, то все же смягчил экономический кризис. Основателем афинской демократии он не был, но некоторые основы для нее положил — введением ценза и распределением прав по классам в соответствии с повинностями,

чем провозглашались чрезвычайно важные принципы: во 1-х, тот, что не происхождение отныне значит, а состояние, человеком же состоятельным мог сделаться всякий и незнатный, при энергии, предприимчивости, удаче, и, во 2-х, тот, что каждый имеет право на участие во власти постольку, поскольку он служит государству и обществу своим трудом и имуществом; предоставлением народу права выбирать должностных лиц и требовать от них отчета; учреждением народного суда, суда присяжных (г е л и э и), что, по Аристотелю, особенно способствовало усилению массы, „ибо, будучи господином в суде, демос становится господином и в государстве“. Своими законами, „равными для простого и благородного“, установлением „суда правого по отношению к каждому“, предоставлением права всякому заступаться за обижаемого, введением свободы завещания Солон помогал слабой массе, содействовал установлению юридического равенства, освобождению личности от родовых оков, наносил удар родовому принципу и знати.

Возгоревшаяся вновь после Солона борьба показала, однако, что Солонов строй неустойчив, и Афины не миновали тираннии. Тиранния эта в лице Писистрата, опиравшаяся не только на вооруженную силу и богатые материальные средста, но и на демос, в экономической области завершила то, что начато было Солоном, посредством государственного

кредита и вообще помощи сельскому классу положила конец земледельческому кризису и явилась важным моментом, подготовкой к последующему господству демоса: она, так сказать, нивеллировала общество; знатные, наравне с незнатными, должны были подчиниться господствовавшей над всеми власти тиранна, общим для всех законам; страстная борьба и смуты на время улеглись; Солоновы законы, не тронутые Писистратом, могли войти в самую жизнь; благосостояние массы поднялось; демос окреп. Подчинив важнейшие из Цикладских островов своему влиянию, приобретя опорные пункты в местностях, важных в торговом и военном отношении — на Македонском побережье, у Геллеспонта, на путях в Понт, — там, где впоследствии широко распространилось афинское господство, Писистрат во внешней политике, в деле афинского империализма, явился предшественником последующей демократии, Фемистокла и Аристида, Кимона и Перикла. Явился он предшественником последнего и в строительной деятельности, в деле украшения и благоустройства Афин.

Но истинным основателем демократии в Афинах был Клисфен. После изгнания тираннов, в борьбе с вождем аристократической партии, Исагором, он сам, будучи из знатного рода Алкмеонидов, привлек на свою сторону демос. Он становится его вождем и доставляет перевес началам демократическим над аристократическими: отнимает политическое значе-

ние у прежних 4 родовых фил (колен), в которых преобладала знать, и учреждает новые 10 фил, территориальных, между которыми все граждане распределялись не по происхождению, а по месту жительства, и к которым переходит политическое влияние, так как применительно к этим новым делениям организуются и государственные учреждения, должности, участие граждан в служении государству, в управлении и в войске; он „смешивает таким образом население", принимает в число граждан многих метэков [1]) и отпущенных на волю рабов; организует местное самоуправление домов; преобразовывает совет 400 в совет 500, по 50 членов от филы, но с пропорциональным представительством от демов; создает новую военную должность 10 стратегов и вводит остракизм. А борьба с целой коалицией, которую пришлось тогда выдержать афинянам, и победа над нею содействовала упрочению демократии: внешняя опасность сплотила афинян, внутренняя борьба на время стихла, а демократия стала неразрывно связанною с независимостью и достоинством государства.

Затем настала пора борьбы с персами. Эта эпоха была тем временем, когда создались цветущие Афины „Периклова века". Тогда окончательно определилось направление всей дальнейшей истории их; тогда они вступили на новый путь, которым потом лишь про-

[1]) Чужеземцев, поселившихся в Аттике.

должали пути. Тут начало того, что характеризует афинскую историю V в. — морского могущества Афин, их гегемонии на море, расцвета их демократии, их литературной и художественной жизни. Вступлению их на новый путь, среди опасности со стороны врага, содействовал гений Фемистокла. Фемистокл, по словам Фукидида, первый отважился сказать, что следует держаться моря. Он укрепил Пирей, устроил в нем военную гавань, создал афинский флот. Афины превратились в морскую державу. С суши центр тяжести перенесен был на море. А это, в свою очередь, оказало влияние на весь строй жизни Афин. Клисфенова реформа имела в виду население земледельческое; тогда это была главная сила и опора государства. Теперь выдвигаются новые силы, другие классы и профессии, преимущественно „корабельная чернь", по выражению древних авторов, не сочувствовавших крайней демократии. Для снаряжения флота пришлось привлечь к службе и фетов, четвертый класс граждан; по правилам же Солонова законодательства повинностям должны соответствовать и права таким образом, это значило дать фетам право на те преимущества, которые до тех пор составляли достояние первых трех классов. Победы на море должны были поднять дух этой „корабельной черни", преисполнить ее сознания своей силы. После отражения персов и минования крайней опасности, рабочие, матросы, ремесленники стали стекаться в Афины, особенно же

в гавань Пирей, тем более, что и подать с метэков, по крайней мере на время, была тогда отменена. Пирей стал кишеть самым разнообразным людом; он был гораздо демократичнее самих Афин. Меры Фемистокла имели, следовательно, результатом большее развитие демократии в Афинах. Это отлично понимали еще в древности: тогда еще отмечалась связь между развитием морского могущества Афин и их демократии. Фемистоклу ставили в упрек, что он стойких гоплитов превратил в корабельщиков и моряков, что, отняв у граждан копье и щит, он довел афинский демос до скамьи гребцов и до весла. О Фемистокле говорили то же, что и о Перикле: что он усилил демократию больше, чем следовало, что он возвысил демос над аристократами, преисполнил его дерзкой смелости, что при нем вся сила перешла в руки моряков, гребцов и кормчих...

Во время борьбы с персами, через несколько лет после Марафона, в 487/6 г. [1]) проведена важная реформа, касающаяся архонтов: их стали избирать жребием из 500 — или, как предполагают некоторые ученые, из 100 — кандидатов, предварительно избранных посредством голосования. Впоследствии и при предварительном избрании голосование заменено

---

[1]) Время совершения события в истории Афин большею частью обозначается двумя годами потому, что афинский гражданский год не совпадает с нашим: он начинался летом (ср. прежний наш академический год). Так, 487/6 г. значит: вторая половина 487 и первая половина 486 г. по нашему счету.

было жребием, но двустепенность выборов осталась, как своего рода переживание, — любопытный пример того консерватизма, стремления сохранить по возможности старые формы, которые проявляли иногда афиняне. Введение жребия при избрании 9 архонтов из столь большого числа предварительно намеченных голосованием кандидатов знаменует собою падение архонтата. Прежде в архонты избирались наиболее влиятельные, выдающиеся лица; теперь всякий заурядный афинянин признавался достойным и способным нести обязанности архонта. Перемена эта имела и дальнейшие, чрезвычайно важные следствия: открывалось поле для деятельности „демагога“. Первоначально это слово не имело того предосудительного значения, которое придается ему теперь; собственно оно значит „вождь народа“, лидер демоса. В Афинах демагог становится необходимым, хотя сам по себе и не должностным лицом в государстве, на деле — главным руководителем народного собрания, внутренней и внешней политики. А из должностных лиц выдвигается на первый план стратег. Таким образом влияние переходит к демагогу и одному из стратегов. Но во время расцвета афинской демократии, до самой смерти Перикла, демагог и стратег обыкновенно соединяются в одном лице.

Платейскою битвой (479 г.) закончился первый период борьбы с персами, который может быть назван борьбой за существование Ѳллады. События,

пережитые тогда Грецией и особенно Афинами, потрясения, испытанные ими, и одержанные победы оставили глубокий, неизгладимый след в их истории. С периферии греческого мира, с западного побережья Малой Азии, центр тяжести греческой истории переносится в европейскую Элладу. Торжество над внешним врагом в борьбе за независимость вызывает подъем народного духа, развитие народного самосознания, умственных и нравственных сил народа, и греческий гений раскрывается во всем своем ослепительном блеске. Наступает для Греции пора высшего процветания умственного и художественного, также экономического, — та пора, которую называют „веком Перикла".

Греко-персидские войны вызвали крупную перемену и во взаимном положении греческих государств. Первенствовавшая дотоле Спарта начинает терять свое исключительное преобладание. Во время борьбы за существование независимой Эллады главными деятелями, представителями обще-эллинских интересов являются афиняне. Борьбу с персами они вынесли большею частью на своих плечах. Во второй период борьбы греков с персами война должна была вестись преимущественно на море, и таким образом Афины, располагавшие флотом, являлись тут уж несомненно главной силой. Так, во время борьбы Греции с персами падало обаяние Спарты, а влияние и значение Афин возрастало, а это, конечно, должно было повлечь за собой их взаимное

соперничество и вражду. Уже здесь начало того дуализма, который является характерной чертой последующей греческой истории.

После отражения персов Афины, можно сказать, внезапно очутились во главе большого союза, Делосско-Аттического, сделались большою державою, и прежние порядки и учреждения во многом должны были измениться; если они удовлетворяли потребностям и нуждам маленькой страны, то новому положению теперь уж во многом не соответствовали.

Война с персами была войной народной; в ней участвовало не одно сословие, а весь народ, и только при таком участии и воодушевлении массы возможна была победа. При Саламине, например, победил флот, а тут главная сила была в фетах. Таким образом, удачный исход борьбы неминуемо повлек за собой неудержимое стремление к равенству, возвышение демоса и полное развитие демократии. Победитель-демос не мог примириться с прежними ограничениями. Жизнь не укладывалась в старые, сделавшиеся тесными, рамки; явились новые настоятельные требования, и новые стремления.

Итак, в период, протекший со времени Платейской битвы (479 г.) до начала Пелопоннесской войны (431 г.) и носящий название Пятидесятилетия, пред нами, в сущности, три главных, крупных явления, как следствия всего предшествовавшего развития и особенно — победоносной борьбы с персами:

1) высшее процветание — умственное, художественное и экономическое — Греции; 2) возвышение Афин, перемена гегемонии, перешедшей к ним на море, и обусловленная этим вражда к ним Спарты; 3) полное развитие афинской демократии. К демократии вел весь предыдущий ход истории Афин. Перемены в афинском государственном строе вызывались самою силою вещей. Мы видим тут постепенное, органическое развитие в одном направлении, проходящее красною нитью чрез всю историю Афин со времени Солона, если не раньше, так как демократические начала коренились в самых основах афинской народной жизни. После Клисфена и Фемистокла последующим деятелям оставалось лишь итти по следам своих великих предшественников, развивать созданный предыдущими поколениями строй, стараясь только так или иначе урегулировать демократическое движение.

Таково было положение Афин, когда на историческое поприще выступил Перикл.

II

Перикл принадлежал к поколению, выросшему и воспитавшемуся на плодах первых, великих побед греков над персами. Родился он между 500 и 490 гг. Все, казалось, предвещало ему блестящую будущность, и уже среди его современников ходил рассказ,

что его матери приснился сон, будто она родила льва, и чрез несколько дней после этого родился у нее Перикл. По своему происхождению Перикл принадлежал к афинской аристократии, к одной из самых знаменитых и влиятельных фамилий: он был сыном Ксанфиппа, победителя персов в битве при Микале (479 г.), которая освободила мало-азиатских греков от персидского ига и положила первые зародыши афинскому морскому союзу; а его мать, Агариста, была племянницею законодателя Клисфена. По матери Перикл происходил, следовательно, от Алкмеонидов, которые в течение нескольких поколений играли выдающуюся роль в афинской истории, и связи которых простирались далеко за пределы Аттики. Со многими другими представителями афинской знати Перикл находился или в родстве, или в довольно близких отношениях. Уже это открывало ему путь к влиянию и к широкой политической деятельности, так как и в Афинах, несмотря на их демократию, знатность рода, заслуги предков имели большое значение; в стратеги избирали обыкновенно лиц из более или менее знатных, состоятельных фамилий, да и вожди демоса, демагоги, вплоть до смерти Перикла выходили из знати.

Детские и юношеские годы Перикла как раз совпали с временем борьбы его родины с персами, и тот общий подъем, который был результатом торжества над врагом, должен был глубоко отразиться на молодом, даровитом Ксанфипповом сыне. То

был момент, когда Афины становились главою и школою Эллады, ее умственным и художественным центром, когда сюда начинали уж стекаться со всех концов греческого мира философы, поэты, художники. Преобладающие течения в сфере тогдашней мысли и искусства были восприняты и Периклом. Под их влиянием воспитался он. Благодаря своему образованию, широкому, многостороннему развитию, он стал в уровень с умственным движением века, который называют веком греческого „Просвещения“, и который некоторыми чертами напоминает французское „Просвещение“ XVIII стол. Наставниками Перикла в музыке, а вместе в тем и в философии, наши источники называют Пифоклида и Дамона или Дамонида, не столько музыканта, сколько софиста, для которого музыка служила скорее благовидным предлогом, прикрытием, чтобы тем безопаснее заниматься философией и политикой. Аристотель говорит о нем, что он во многом был советником и вдохновителем Перикла, за что̀ потом и подвергся остракизму. Впоследствии Перикл пользовался уроками и Зенона, одного из представителей Элеатской школы. Но особенно сильное и благотворное влияние, по свидетельству древних, оказал на него Анаксагор своею возвышенною философией, признававшей за регулирующее и управляющее начало в мире разум. Влиянию именно Анаксагора приписывали ту глубину мысли, которая отличала Перикловы речи; этим же влиянием объясняли самые

ораторские приемы Перикла, даже его политические стремления, образ жизни и никогда не покидавшее его хладнокровие и спокойствие.

Начал свою карьеру Перикл воином, а на поприще общественно-политической деятельности выступил между 469 и 467 г. Это был момент, когда Аристид сошел уже в могилу, или, по крайней мере, доживал свои последние дни среди общего уважения, а Фемистокл скитался изгнанником. Первенствующее значение в Афинах принадлежало в то время Мильтиадову сыну, Кимону, стоявшему во главе консервативно-аристократической партии. Перикл, по происхождению аристократ, да и по натуре своей далеко не демократ, становится в ряды демократии. Тут могли действовать и фамильные предания — пример великого его родственника, Клисфена, тоже, несмотря на свою знатность, ставшего вождем демоса; к этому могло побуждать и личное честолюбие, так как место вождя аристократической партии было занято Кимоном, и при тогдашних обстоятельствах для талантливой и честолюбивой личности выгоднее всего было стать в ряды партии демократической. Но могли быть и другие, не эгоистические мотивы. Перикл мог думать, что в Афинах именно демократии принадлежит будущее; в ней он видел силу Афин, залог их величия и могущества, — такую форму, которая создана всем прошлым, окончательная победа которой была неизбежна, и которая одна только и могла быть более или менее прочною, устойчивою, обеспечивающею

внутренний мир, полное развитие богатых сил Афин. Вместо того, чтобы стараться — может быть, бесплодно — разрушить дело предшествовавших поколений, вместо того, чтобы, оставляя без удовлетворения новые потребности, наталкивать демос на путь насилия и революции, вызывать анархию и тем способствовать превращению демократии во владычество черни, в охлократию, — не лучше ли было признать существующий факт и, став во главе демократического движения, постараться взять его в свои руки, урегулировать его, направить в известные границы, в интересах полного развития духовных и материальных сил народа? За эту-то задачу и взялся Перикл.

На первых порах Перикл шел рука об руку с другим вождем демоса, своим единомышленником и другом, Эфиальтом. Как борец за права демоса, как его вождь, Эфиальт стоял тогда на первом месте; первенствующее положение Перикл занял лишь после его смерти, с середины V в. Их обоих встречаем и на военном поприще: как тот, так и другой отправлялись во главе флота к берегам Малой Азии, причем проникали даже за Хелидонские острова, не встретив неприятеля. Вместе действовали они и в народном собрании, ведя борьбу с аристократической партией и ее вождем, Кимоном.

Ксанфипп, отец Перикла, был врагом Мильтиада, отца Кимона, и казалось, что вражда оставлена была отцами в наследие сыновьям. Перикла и Кимона

разделяло соперничество из-за влияния, противоположность их политических программ, стремлений, самых даже характеров. Кимон, глава аристократов, в известном смысле является более демократом, нежели Перикл, один из вождей демоса: первый — простой, обходительный, с приемами демагога, непринужденно сближающийся с народом, имеющий в себе даже нечто плебейское, а второй — „олимпиец", сдержанный, скорее гордый, нежели доступный, во всяком случае, — без тех свойств, благодаря которым так легко приобретается популярность в массе, — натура вовсе не демократическая.

Первая попытка низвергнуть Кимона не удалась. После покорения восставшего против Афин о-ва Фасоса (463 г.) Кимон был обвиняем в том, что он, будто бы подкупленный, не воспользовался удобным случаем для вторжения в Македонию. Сначала особенно сильно нападал на него Перикл; но потом, во время самого процесса, будучи избран народом в обвинители, он далеко не ревностно обвинял своего соперника и выступил с речью всего только один раз, лишь бы формально исполнить свою обязанность. Кимон был оправдан. Он находился в апогее своей славы, и время для его низвержения еще не пришло. И это, повидимому, сознал Перикл. Просьбы Эльпиники, сестры Кимона, о которых упоминается у Плутарха, тут, вероятно, не причем.

Вскоре представился другой повод, более важный, к столкновению между партиями, когда им

пришлось померяться силами: спартанцы обратились к афинянам с просьбой помочь им против восставших периэков и илотов, или мессенян, засевших в Ифоме, которую спартанцы, неискусные в осадном деле, долго не могли взять. Как говорит, впрочем, преувеличивая, Аристофан, спартанский посол Периклид явился в Афины и сел у жертвенников, бледный, в пурпуровой одежде, с мольбою о помощи. Помочь ли Спарте? — вот вопрос, по которому партии совершенно расходились, и жаркие прения велись в народном собрании. Аристократы были на стороне Спарты, которая являлась в их глазах идеалом строго-аристократической республики, примером незыблемости государственного строя, оплотом элементов аристократических. „Мир с эллинами, борьба с Персией“ — такова была программа Кимона и его партии. Наоборот, вожди демократической партии были против Спарты: по их мнению, уже не Персия, а Спарта — главный враг Афин. Только что перед тем эта Спарта обещала свое содействие восставшему против афинян о-ву Фасосу и уже готова была привести в исполнение свое обещание; ей помешали лишь землетрясение, постигшее ее, и восстание тех мессенян, против которых она теперь просила помощи у афинян. Несмотря на это, Кимон, живший воспоминаниями о временах персидского нашествия, и теперь напоминал о союзе со Спартой, об еще недавней общей борьбе против „варваров“, и молил народное собрание не допускать, „чтобы

Эллада стала хромать на одну ногу, а Афины остались без сотоварища по ярму“. Тщетно Эфиальт доказывал, что следует Спарту предоставить ее участи: Кимон восторжествовал. Решено было помочь спартанцам, и сам Кимон во главе афинского отряда отправился в Пелопоннес. Однако, спартанцы вскоре отнеслись к афинянам с подозрением и отпустили их, заявив, что больше не нуждаются в них; афиняне пришли в негодование; влияние Кимона и его партии пошатнулось; возобладало течение демократическое.

В это время Эфиальт проводит реформу ареопага (462/1 г.). Ареопагу принадлежала высшая наблюдающая власть над действиями должностных лиц и даже над народным собранием: он был „всеобщим блюстителем и стражем законов“; он пользовался правом veto по отношению к постановлениям народного собрания и, следовательно, влиял на весь ход государственной жизни; он был в старину окружен особым почетом и обладал огромным авторитетом, по выражению поэта, как „суд, недоступный корысти, совестливый, но сильный в гневе, бодрствующая охрана земли“. Во время нашествия Ксеркса ареопаг оказался на высоте положения, действовал заодно с Фемистоклом, и его авторитет настолько возрос, что годы от Саламинского сражения до Эфиальтовой реформы Аристотель выделяет в особый период — главенства ареопага. Но это учреждение по существу, составу и духу было консервативно-аристократическим и уже не согласовалось

с остальным строем Афинского государства. И вот Эфиальт, в отсутствие Кимона, выступил с законом об ограничении прав ареопага с целью положить конец его политическому влиянию. Но возвращается в Афины Кимон и из-за ареопага возгорается ожесточенная борьба. Кимон не мог допустить этой реформы, которая поражала оплот аристократической партии; посягательства на освященные временем и преданием права ареопага казались ему дерзким святотатством, гибельным нарушением существующего строя, завета Солона, по мысли которого ареопаг должен, подобно якорю, предохранять государство от бурь и волн и держать демос в спокойствии. Борьба кончилась остракизмом Кимона: он был изгнан, как „друг лаконян и враг демоса". Но страсти с его изгнанием не улеглись; Эфиальт пал жертвой мести со стороны своих врагов: он был убит.

Реформа ареопага — завершение предыдущего исторического процесса. У ареопага отняты были влияние на законодательство, политические права, в силу коих он был „стражем государственного строя". Права эти перешли частью к совету 500, частью же к народному собранию и к народному суду, гелиэе.

Уже в древности говорили, что Эфиальт дал народу испить чашу несмешанной, неограниченной свободы и народ охмелел, стал безумствовать; по выражению комического поэта, „зазнавшись, демос, подобно своевольному коню, не захотел повиноваться,

но начал кусать Евбею и бросаться на другие острова" (намек на последующие события и на афинский империализм). Но в действительности в Афинах выработался строго определенный, обставленный сложными формальностями порядок законодательства, проникнутый скорее консервативным духом. Вместо полного произвола толпы мы видим стройную систему самоограничения демоса, порядок, проникнутый идеей законности, сознанием того, что свобода должна быть в то же время царством закона. Недаром Афинское государство называют иногда „правовым": над волею народного собрания, над самим державным демосом там поставлен был закон; мы видим гелиэю, образованную из среды самого народа, но стоящую в некоторых отношениях выше народного собрания и его ограничивающую...

В Аристотелевой „Политике" говорится, что „ареопаг урезали Эфиальт и Перикл", а в „Афинской Политии" сообщается, что Перикл отнял у ареопага некоторые права; но это, вероятно, относится к другой какой-либо последующей мере, в точности нам неизвестной, а не к „Эфиальтовой реформе", в которой главным действующим лицом вообще выставляется Эфиальт. Плутарх, впрочем, передает, что некоторые на Эфиальта смотрели, как на орудие Перикла, который избегал часто сам выступать в народном собрании, а действовал через друзей. Но в данном случае это неверно. Эфиальт был самостоятельным деятелем, тогдашним вождем демоса; борьба

была его стихией, а что он был главным действующим лицом в деле ремормы ареопага, видно уже из того, что на него, а не на Перикла, обрушилась ненависть олигархов, и он, а не Перикл, стал жертвой политического убийства. Да Перикл был тогда еще и слишком молод, по понятиям греков, для того, чтобы быть руководителем в таком деле, как реформа ареопага: он — лишь единомышленник и сотрудник Эфиальта [1]).

III

С прекращением внутренней борьбы, вызванной реформой ареопага, афиняне обнаруживают чрезвычайное напряжение сил и энергии: владычествуя уже на море, стоя во главе морского союза — Делосско-аттического, — они стремятся к господству и на суше. Ведя войну в Элладе и у ее берегов, они не упускают из виду и борьбы с Персией, отправляя целые флоты к берегам Азии, к Кипру, к устьям Нила. Они стремятся к объединению Греции под своею гегемонией, к образованию большой державы, к тому, что̀ мы называем империализмом. В Египет, дружественные

[1]) В дошедшем до нас тексте „Афинской Политии" Аристотеля выставляется участие и двуличная роль Фемистокла в деле Эфиальтовой реформы (гл. 25). Но это — недостоверный анекдот, опровергаемый хронологией и являющийся, по всей вероятности, позднейшей посторонней вставкой (интерполяцией) в нашем тексте.

связи с которым были важны для Афин в виду получения оттуда дешевого хлеба, афиняне (459 г.) посылают флот на помощь восставшему против персов Инару и овладевают большею частью Мемфиса. В Элладе они берут под свою защиту Мегару, что̀ дает повод к столкновению с их естественными соперниками на море и в торговле — Коринфом и Эгиной. После первой неудачи они одерживают победу над пелопоннесским и затем над эгинским флотом, осаждают Эгину и с успехом отражают вторгнувшегося в Мегариду неприятеля. О тогдашнем напряжении сил афинян и громадности их потерь красноречиво свидетельствует дошедшая до нас надпись, в которой перечисляются воины одной филы, павшие в боях „на Кипре, в Египте, в Финикии, у Галиэй“ (на берегах Пелопоннеса), „у Эгины, Мегары“, — все это „в один и тот же год“. В то же время афиняне приступают к возведению так называемых „Длинных стен“, которые должны были соединить город Афины с гаванями Фалерскою и Пиреем. Афины, непобедимые на море, должны были сделаться неприступными с единственной слабой стороны своей — с суши; вторжение врага в Аттику не должно было грозить опасностью им. Это было дальнейшим развитием планов Фемистокла, предприятие в духе демократической партии и прежде всего — в духе Перикла, который потом и завершил его возведением еще третьей стены. Оно ясно говорило, что не со стороны персов ждут теперь Афины опасности, а со

стороны врагов своих в самой Греции, и не все афиняне сочувствовали этому предприятию; многие были недовольны, в особенности партия крайних аристократов, искавшая себе опоры в Спарте, готовая предать в ее руки родной свой город.

Кто был вообще вдохновителем и руководителем тогдашней политики Афин и военных операций, — сказать трудно. Во всяком случае, такая политика напряжения и разбросанности сил не соответствовала общему характеру последующей политики Перикла, стоявшего за сосредоточение сил, за ограничение сферы действий, бывшего против далеких, рискованных предприятий. Что же касается военных действий, то наряду с Периклом военными вождями в то время являлись и Миронид, с именем которого связывались потом воспоминания о „добром, старом времени", и Толмид. Но известно, что Перикл участвовал в сражении со спартанцами при Танагре (457 г.).

В Среднюю Грецию явились спартанцы на помощь Дориде, которую они считали своею прежнею родиной, против Фокиды. Тогда афиняне, которые не могли смотреть равнодушно на появление спартанцев и на их вмешательство в дела Средней Греции, заняли горные проходы у Геранеи, ведшие из Средней Греции в Пелопоннес, а в Крисейском заливе (часть Коринфского) крейсировал их флот, так что спартанцам прегражден был обратный путь и с суши, и с моря. Спартанцы вступили в союз с Фи-

вами, помогли распространить их гегемонию над всеми городами Беотии и вошли в сношения с афинскими олигархами, тайно призывавшими их и готовыми предать в их руки свой город, пока еще не закончены Длинные стены. Спартанский лагерь у Танагры явился средоточием для всех врагов афинской демократии, и афиняне выступили к Танагре с 14000 войска, в составе которого находились и их союзники, аргивяне, фессалийская конница и друг. Битва при Танагре была упорна. Долго победа не склонялась ни на ту, ни на другую сторону. Но фессалийская конница во время самого сражения изменила афинянам и перешла к спартанцам; тогда победа осталась за последними. Тем не менее, и потери победителей были громадны, а потому, заключив 4-х месячное перемирие с афинянами, спартанцы ушли в Пелопоннес. Кто при Танагре стоял во главе афинского войска, — неизвестно в точности. Мы знаем только, что Перикл участвовал в этой битве, что он сражался с необыкновенным пылом, не щадя жизни и из всех выдаваясь своим мужеством, но был ли он здесь главнокомандующим, наверное сказать нельзя; это можно предполагать, но возможно, что во главе афинского войска у Танагры находился и кто-либо другой из вождей того времени, напр., Миронид или Толмид.

В виду внешней опасности, внутренние распри пришлось отложить. Пример подал Кимон. Накануне битвы при Танагре он явился в афинский лагерь и

просил разрешения сражаться в рядах своей филы. Но ему не доверяли и, как изгнаннику, не позволили этого. Удаляясь, Кимон просил друзей своих сражаться мужественно и на деле доказать всю неосновательность тяготеющих над ними подозрений. Друзья верно исполнили его просьбу: все они, в числе 100, легли на поле битвы. Под впечатлением неудачного исхода Танагрского сражения и геройской смерти кимоновых друзей в настроении народа происходит реакция в пользу Кимона, тем более, что, в случае необходимости заключить мир со Спартой, он мог оказать большую услугу. Перикл пошел навстречу народному желанию и сам выступил с предложением возвратить Кимона из изгнания раньше срока [1]). Предложение было принято, и Кимон возвратился в Афины, но прежним обаянием он уже не пользовался.

Особенно печальных последствий для Афин неудача при Танагре, однако, не имела. Напротив, никогда они не казались столь сильными, как после нее: через два месяца после Танагры афиняне вторгаются в Беотию, наносят там поражение фиванцам, враждебной им партии, и распространяют свою гегемонию на эту страну; заставляют Эгину сдаться, выдать свой флот, платить форос (дань); предпринимают

[1]) У Плутарха имеется рассказ, будто между Периклом и Кимоном, при посредничестве Эльпиники, состоялось предварительное соглашение, по которому Кимон обязывался не оставаться в городе, а отправиться во главе 200 кораблей на войну с Персией; власть же в городе предоставлялась Периклу.

экспедицию к берегам Пелопоннеса; заканчивают постройку Длинных стен. Но такое торжество не могло быть прочным: оно не соответствовало силам афинян, и вот в Египте их постигает катастрофа; экспедиция в Фессалию терпит неудачу. Единственный в ту пору сравнительный успех — это экспедиция Перикла в Коринфский залив (454/3 г.). Во главе флота и с 1000 тяжело вооруженных (гоплитов) Перикл отплыл из Мегарской гавани Пеги или Паги к берегу Сикионской области, высадился здесь и нанес сикионцам сильное поражение. Он приступил было и к осаде Сикиона, но в виду приближения спартанцев, шедших на выручку городу, отступил. Взяв затем с собою отряд ахеян, примкнувших к афинскому союзу, Перикл направился с флотом к противоположному берегу — к Акарнании. Здесь он осадил Эниады, но взять этот город ему не удалось; пришлось удовольствоваться опустошением окрестностей. Наведя страх на врагов, с богатою добычею, возвратился Перикл в Афины.

Судя по словам Плутарха и Диодора, это предприятие Перикла произвело тогда немалое впечатление. Плутарх подчеркивает, что эта экспедиция совершилась без потерь, а по словам Диодора именно тогда будто бы афиняне властвовали над наибольшим числом городов. Результатом Периклова похода является союз с Ахаией (если он был заключен тогда, а не раньше) и упрочение афинского господства в Коринфском заливе, значит — еще большее стесне-

ние соперника Афин на море, Коринфа. Во всяком случае, результаты были не таковы, чтобы дать решительный перевес афинянам в происходившей тогда борьбе. Силы афинян истощались; обе стороны были утомлены; ни та, ни другая не в состоянии была нанести противнику решительный удар, и в 451/50 г. между Афинами и Пелопоннесским союзом, при посредстве Кимона, заключено было 5-летнее перемирие на условиях status quo. Для Афин важно было уж то, что они устояли в борьбе с целой коалицией, что они не только не потеряли ничего из прежних своих владений, но сохранили то господствующее положение и на суше, которое приобрели в течение войны.

А к 449 г. приурочивают посольство Каллия в Сузы и заключение так называемого Каллиева или Кимонова мира; многие, впрочем, отвергают, чтобы мир с Персией был заключен. Можно считать несомненным лишь установление более или менее мирного положения, фактическое прекращение наступательных действий с той и другой стороны. Это прекращение решительных наступательных действий против Персии было совершенно в духе политики Перикла, к концу 50-х годов занявшего уже первенствующее положение в Афинах; оно соответствовало, как нельзя более, его программе. Борьба с Персией утратила свой острый характер. Она не могла уже вестись с прежним воодушевлением и напряжением. Это не была уже борьба за существование Греции;

опасность со стороны Персии для греков уменьшилась, если не совсем миновала; противоположность между миром греческим и персидским стала сглаживаться.

Силы Афин казались Периклу недостаточными для одновременной борьбы и с Персией, и в Элладе, с Пелопоннесом. „Что Перикл поступал правильно, удерживая афинские силы в Греции", замечает Плутарх, „это доказали последовавшие затем события". Мир в Греции был непрочен. Вскоре возник спор между Фокидой и Дельфами из-за обладания Дельфийским храмом, или так называемая „Священная война", где Спарта и Афины опять приходят в столкновение, сначала, правда, косвенное. Спартанцы являются в Среднюю Грецию, отнимают у фокидян храм и передают его своим союзникам, дельфийцам. Но едва только спартанцы покинули Среднюю Грецию, как Перикл во главе афинского войска выступил в поход и снова возвратил фокидянам обладание Дельфийским святилищем. Все результаты спартанского похода таким образом рушились; даже промантею — право вопрошать оракула прежде других, вне очереди, — которая дарована была спартанцам, теперь приобрели и афиняне, и надпись касательно этого начертана ими с правой стороны того самого медного волка, на лбу которого перед тем сделана была надпись о даровании промантеи спартанцам.

Затем от афинян отпала Беотия. Афинское господство здесь не имело корня, было случайным,

эфемерным. Многие были им недовольны, и когда беотийские изгнанники, принадлежавшие к партии, враждебной Афинам, внезапно явились в Беотию, то легко овладели многими городами, в том числе Херонеей и Орхоменом, нашли себе опору и сочувствие в самом населении и содействие у соседей — локрян и евбейских изгнанников, врагов афинян. Афиняне поспешили снарядить войско в Беотию, состоявшее из 1000 граждан и соответствующего числа союзников, под начальством Толмида. Если верить Плутарху, — рассказ мог быть сочинен в оправдание Перикла, — Перикл считал эти силы недостаточными и убеждал Толмида не спешить, не рисковать с столь малым отрядом итти в Беотию, просил слушаться, если не его, Перикла, то самого лучшего советника — времени. Но тщетно: медлить далее тоже было опасно. Толмид поспешно вторгнулся в Беотию, взял Херонею и оставил там гарнизон, но затем, за недостатком сил, поворотил назад; настигнутый при Коронее, он потерпел жестокое поражение (446 г.) и сам пал в битве. Афиняне поспешили заключить мир. Беотия снова стала независимою с Фивами во главе.

Так одним ударом уничтожено было здесь афинское господство. Это послужило поводом и как бы сигналом для других. Прошло немного времени, и восстает Евбея, обладание которой было для Афин жизненною необходимостью. Перикл поспешил переправиться на Евбею, чтобы подавить восстание в самом начале, как вдруг приходят вести о том, что соседняя Мегара отло-

жилась, избила афинский гарнизон и примкнула к Пелопоннесскому союзу; что многочисленное спартанское войско под предводительством молодого царя Плейстоанакта и данного ему эфорами в советники Клеандрида находится уж у пределов Аттики, готовясь произвести вторжение. Положение Афин было критическое. Периклу пришлось оставить на время Евбею и спешить на спасение самой Аттики, — навстречу врагу.

Между тем, спартанцы находились уж у Элевсина и опустошали страну. Перикл действовал с большою осторожностью. Тщетно неприятель старался вызвать его на открытый бой: Перикл избегал сражения и, не вступая в битву, успел достичь того, что спартанское войско отступило. Иного исхода ожидали враги Афин. Отступление Плейстоанакта и Клеандрида не могли себе иначе объяснить, как подкупом; говорили, что Перикл купил это отступление за 10 или 20 талантов, и само спартанское правительство обвинило царя и его советника в подкупе.

Как бы то ни было, но спартанцы отступили, и Перикл получил возможность снова направить все силы на покорение Евбеи. На этот раз он отправился туда с 50 кораблями о 5000 гоплитов. Дальнейшее сопротивление было тщетно, и весь остров снова подчинился афинянам. С большею частью городов заключены были договоры. До нас дошел договор с гор. Халкидой, один из важнейших и интереснейших греческих документов, в виде надписи,

найденной в 1876 г. на камне, вделанном в южную стену афинского акрополя.

Самая суровая участь постигла Гестиэю за то, что жители ее захватили афинский корабль и умертвили находившихся на нем: прежние ее обитатели все были изгнаны; в ее области отведены земельные участки для клерухов, афинских поселенцев, в числе 1000, а по другим известиям даже 2000 человек. Вообще, с этих пор число афинских клерухов на Евбее значительно увеличилось, сохранившийся отрывок надписи показывает, что такие поселенцы были и в Эретрии. Есть известие, будто более двух третей острова находилось теперь в руках афинян, во владении государства и частных лиц. Постановления афинского народного собрания, отчасти, в обломках, дошедшие до нас, определяли отношения этих клерухов к Афинам и их сношения с Аттикой.

Вслед за покорением Евбеи между Афинами и Спартой, как главой Пелопоннесского союза, заключен был Тридцатилетний или Периклов мир (445 г.). По этому миру Афины отказались, в сущности, от гегемонии на суше — от владений в Элладе, вне Аттики, за исключением некоторых пунктов, и оба союза, Афинский и Пелопоннесский, взаимно признали друг друга; афиняне не должны были принимать в свой союз союзника спартанцев, а спартанцы — афинского. В договоре этом есть чрезвычайно интересный пункт: обе стороны условились, что несогласия и недоразумения между ними должны раз-

решаться путем третейского суда; в договоре было постановлено: взаимные споры отдавать на суд и подчиняться его решению; запрещалось прибегать к оружию, если одна из сторон предложит обратиться к суду. Пункт этот, как увидим, не был исполнен; но как стара идея третейского суда и посредничества, мирного разрешения между народных распрей! И в греческом мире идея международного арбитража выразилась наиболее ясно и полно. В этом мире многочисленных государств-городов, среди борьбы внутренней и внешней, международный третейский суд играл важную роль: он нашел себе частое применение на практике, вошел до некоторой степени в систему и облекся в определенные формы [1]).

Тридцатилетний мир был делом Перикла и недаром называется Перикловым миром. Афины возвратились к тому положению, какое занимали они до 460 г. Им пришлось ограничиться владычеством на море. Афинское господство на суше столкнулось с неодолимыми преградами: с стремлением греческих общин к политической самостоятельности, с соперничеством других государств, с консервативными и аристократическими элементами.

Во время этой войны, которую можно назвать Первою Пелопоннесскою войною, состоялось пере-

[1]) Подробности — в моей статье „Международный третейский суд в древне-греч. мире“ („Вестн. Евр.“ 1917, апр. — июнь).

несение союзной казны с о-ва Делоса в Афины (454 г.). Казна поставлена под охрану богини Афины, в пользу которой стали уделяться и так называемые „начатки“ дани союзников, шестидесятая доля фороса. Это было в тот момент войны, когда казне на Делосе могла угрожать опасность сделаться добычею неприятеля. Казалось необходимым перенести ее в более безопасное место — в Афины. Есть известие, что это состоялось по предложению самосцев. Перенесение казны в Афины и упразднение союзного собрания являлось прямым следствием предыдущего процесса. Это не был крутой, резкий переворот: перемена совершалось незаметно, постепенно и вполне естественно. Первоначально все союзники были равноправны и автономны. Целью союза была борьба с Персией, но с течением времени опасность со стороны Персии уменьшалась, и союзники стали все более и более тяготиться лежавшею на них военною повинностью; афиняне же энергично настаивали на исполнении первоначальных условий. Наконец, к обоюдному, казалось, удовольствию найден был выход из такого положения: вместо кораблей афиняне согласились получать известную сумму денег и поставлять свои корабли. Союзники сами, таким образом, отдавали себя в руки афинян. Города, пытавшиеся было отложиться, были покоряемы, лишались прежней автономии и становились подчиненными. Так было — еще при Кимоне, до первенства Перикла, в 60-х годах, — с Нак-

сосом и затем с Фасосом. Число подчиненных союзников все росло и росло. Союзное собрание делалось все малочисленнее. Союзники, остававшиеся еще автономными, мало были заинтересованы в его делах и в самой его дальнейшей судьбе. Фактически господствовала здесь давно уже воля Афин.

Так совершилась эта перемена. Господствовавшая тогда в Афинах система тесно связана с нею и с самым существованием союза.

В 50-х же годах совершились и другие нововведения. Так доступ к архонтству открыт был и зевгитам — третьему классу, среднему, и на 457/6 г. впервые избран был в архонты зевгит, тогда как до того архонтами могли быть только представители высших классов — пентакосиомедимны и затем всадники. В 453/2 г. восстановлены „судьи по делам", по округам, существовавшие еще при Писистрате и потом упраздненные. Они творили суд, по мелким делам разъезжая по волостям.

В источниках мы не находим указания, какое отношение имел Перикл к этим нововведениям, но они соответствовали общему характеру его политики, в особенности перенесение союзнической казны. Зато Аристотель прямо приписывает Периклу внесение в 451/50 г. закона о праве гражданства, а именно, что не может иметь права гражданства тот, кто не происходит от афинянина и афинянки, — закона, к которому мы еще вернемся.

IV

Настали для Афин мирные годы, когда внешняя борьба на время прекратилась; эти годы могут быть названы по преимуществу „веком Перикла“: то были годы наибольшего влияния его. Но прежде Периклу пришлось выдержать борьбу с опасным противником, преодолеть сильную оппозицию. Аристократическая партия успела оправиться. Во главе ее стал человек, который сумел сплотить, организовать ее. Это был Фукидид, сын Мелесия, называемый иногда Алопекским по месту его происхождения и в отличие от историка Фукидида. Он был из знатной фамилии и в свойстве с Кимоном. Как полководец, Фукидид Алопекский не мог равняться с последним; но зато далеко превосходил его, как организатор и вождь партии, как политик и оратор. Аристотель причисляет его к „лучшим государственным людям Афин, если не считать древних“. Не так давно найдены черепки, ostraka [1]), проливающие некоторый свет на остракизмы 40-х годов; судя по ним, оказывается, что Фукидид одолел перед тем нескольких противников, которые и подверглись остракизму, в том числе тот Дамон, которого называют на-

---

[1]) Такие черепки употреблялись при остракизме: на них писались имена подлежащих изгнанию.

ставником и советником Перикла. Только Периклу удалось устоять против него.

Решительное столкновение Перикла и Фукидида последовало главным образом по вопросу об употреблении союзных денег на постройки, на украшение Афин. По словам Плутарха, в которых некоторые видят отголоски и отрывки из подлинных речей Перикла и его противников, последние в народном собрании кричали, что афинский народ покрывает себя срамом и приобретает худую славу, перенеся союзную казну в Афины под тем предлогом, что здесь она будет в большей безопасности, и теперь употребляя ее на постройки; они говорили о страшном насилии и явной тирании по отношению к Элладе со стороны Афин, так как деньги, собираемые с союзников в виде фороса и предназначаемые на войну, тратятся на украшение города, который, точно тщеславная женщина, увешивает себя драгоценными камнями, статуями и храмами в тысячи талантов. В ответ на это Перикл доказывал, что афиняне не обязаны давать отчет союзникам в употреблении союзных денег, так как афиняне сражаются вместо них и защищают их от варваров, неся на себе все тягости, а союзники доставляют только деньги [1]; эти деньги принадлежат уже не тому, кто дает, а тому, кто их получает, если только последний вы-

[1] В этих словах у Плутарха — неточность: союзники, платившие форос, поставляли, кроме того, еще и гоплитов.

полняет принятые взамен того на себя обязательства. „Так как город достаточно снабжен всем необходимым для войны, то следует излишек употреблять на такое дело, которое доставит Афинам бессмертную славу, распространит благосостояние в среде населения, вызовет разнообразную деятельность и различные потребности, оживит всякие искусства и ремесла, займет все руки, так что почти весь город будет на жалованье, сам себя украшая и вместе с тем питая“.

Перикл таким образом стоял за централизацию, за безусловное главенство афинян над союзниками; Фукидид же выступал защитником равноправного положения последних. Но с этим вопросом были связаны и другие, например, о направлении внешней политики Афин, об отношении к Спарте и Персии; тут сталкивались интересы городского и сельского класса и т. д. Перикл, по всей вероятности, имел опору преимущественно в городском населении, как наиболее заинтересованном в осуществлении его проектов относительно построек, а Фукидид — в сельском. Строительная деятельность требовала больших средств; та система денежного вознаграждения, которую ввел Перикл, — как говорят, еще во время борьбы с Кимоном, — и о которой речь еще впереди, была выгодна преимущественно для городского населения, а для поддержания и развития этой системы опять таки нужны были средства. Тогдашняя демократия в Афинах была связана с господством над союзни-

ками. Это главенство, распоряжение союзною казною, расширение союза, сферы политического и торгового влияния, своего рода „империализм“, — все это служило источником средств и благосостояния городского населения и за все это стояла партия демократическая, радикальная. Таким образом в Афинах радикализм и империализм были тесно связаны между собою. Консервативные же элементы, в особенности сельское население, или мало были заинтересованы в поддержании „империализма“, или же относились даже прямо враждебно к подобной политике, как противоречащей их интересам. Партия Перикла одержала верх, и Фукидид, сын Мелесия, подвергся остракизму (443/2 г.).

Внутренняя борьба в Афинах прекратилась надолго. С изгнанием Фукидида Алопекского влияние Перикла достигает своего апогея. В течение целых 15 лет Перикл правит Афинами без соперников, как общепризнанный руководитель государства. Именно к этому периоду применимо выражение историка Фукидида: „по имени это была демократия, на деле — правление первого гражданина“. По словам одного комического поэта, афиняне вручили Периклу все: „и дань союзных городов, и самые города — одни вязать, другие разрешать, и каменные стены — одни строить, другие вновь разрушать, и договоры, силу, власть, мир и богатство, и счастье“. Враги называли Перикла „величайшим тиранном“, а окружавших его приверженцев — „новыми Писистра-

тидами“: его сравнивали с Писистратом и находили между ними даже внешнее сходство.

Где же причина влияния Перикла? На чем основывалась его власть, его авторитет?

Из тогдашних должностей в Афинах самою важною и влиятельною была стратегия. Стратеги были не только предводителями войска, но они стояли во главе всего военного и морского ведомства, являлись представителями Афинского государства во внешних сношениях, пользовались немалым влиянием и внутри государства, часто бывали главами исполнительной власти. Одному из стратегов обыкновенно поручалось главное начальство над войском, руководительство всем предприятием, так что он являлся главою коллегии. Таким главою коллегии стратегов и лицом, облеченным особыми полномочиями, не раз бывал Перикл. В течение 15 лет своего полновластия он избирался в стратеги из года в год. Кроме того, он заведывал постройками, и вообще его влияние так или иначе простиралось и на финансовое управление. Но Перикл правил Афинами не потому, что был одним из 10 стратегов, а потому, что был П е р и к л о м, как выразился английский историк Фриман. Тайна его могущества и обаяния заключалась в самой его личности.

Личность Перикла подробно обрисована Плутархом. Перикла отличает от других знаменитых деятелей Эллады не исключительное дарование, не гениальность в той или другой сфере; его отличало

необыкновенно гармоническое сочтание разнообразных талантов и качеств. Перикл был и правитель, и полководец, и оратор, и все это в нем соединялось с безукоризненною честностью и неподкупностью, столь редкими в Греции, с простотою образа жизни, с возвышенным умом, с широким образованием и художественным вкусом, наконец, даже с красивою, величественною внешностью. Это — благороднейший тип эллина.

У Перикла на первом плане стоял талант ораторский. Именно могуществу своего слова Перикл прежде всего обязан тем обаятельным влиянием, которое производил он на своих современников. Подлинные его речи не сохранились; они не были записаны; речи, влагаемые в его уста Фукидидом, — композиция больше историка. Но отзывы о величии Перикла, как оратора, еще в древности были единодушны; могущество его слова признавалось даже его врагами, даже комиками, и они называли Перикла „олимпийцем". Его речи, по этим отзывам, отличала серьезность, сила, глубина мысли. Это не было красноречие обыкновенного демагога, во вкусе толпы, рассчитанное на страсти и инстинкты невежественной массы. Величавое спокойствие не покидало Перикла и на ораторской кафедре. И тут черты его лица были серьезны, звук голоса ровный, никогда не переходивший в крик, рука — под плащом, не свешивавшимся в беспорядке; не было тех порывистых движений, неприличных жестов и выкрикиваний,

того умышленного беспорядка в одежде и напускного азарта, которые так отличали последующих демагогов. И, тем не менее, своими речами Перикл производил глубокое впечатление; о нем говорили, что он мечет перуны, поражает своим словом, как громом и молнией, что „само убеждение восседает на устах его“, и о его способности убеждать свидетельствовали сами соперники. Свои речи Перикл тщательно подготовлял и обдумывал, а всходя на кафедру, молил богов, чтобы с его уст не сорвалось какое-либо лишнее или неподходящее слово. Но он не часто произносил речи: большею частью он предпочитал действовать чрез своих сторонников и друзей, которые и выступали с предложениями, и только в случаях особой важности сам Перикл появлялся на ораторской кафедре. Поэтому его сравнивали с „Саламинией“, государственным кораблем, употреблявшимся лишь в более важных делах.

Военным гением Перикла нельзя назвать. Как полководец, он не ослеплял блестящими подвигами, но обладал безупречным личным мужеством, опытностью, хладнокровным благоразумием и осторожностью. В военном деле Перикл не был рутинером и умел пользоваться всяким нововведением и усовершенствованием. В войне, например, против Самоса он впервые стал употреблять новые осадные орудия.

Честность и бескорыстие Перикла были общепризнаны. Управляя государством в течение стольких лет, заведуя постройками и имея в своем распо-

ряжении большие суммы денег, он ни на одну драхму не увеличил своего состояния, полученного им в наследство от отца. В частной жизни Перикл был бережлив и расчетлив, что, однако, не мешало ему помогать многим бедным гражданам. Чтобы не отвлекаться хозяйственными заботами, он предоставлял управление своим хозяйством верному своему рабу, Евангелу. Обыкновенно получаемые ежегодно с имения продукты продавались все разом, а потом все необходимое, по мере надобности, покупалось на рынке.

Вообще, образ жизни Перикла был прост и умерен. Почти все время посвящалось государственным делам. На улице Перикла можно было видеть идущим — своею обычною, медленною и спокойною походкою — только по одной дороге, именно в народное собрание или в совет. Обыкновенные удовольствия для него не существовали. Он не принимал участия в пиршествах. Раз только присутствовал на свадьбе своего родственника Евриптолема, да и то оставался не до конца, а как только совершены были возлияния богам и начался самый пир, тотчас же удалился. Единственным развлечением для Перикла была беседа в домашнем кругу, среди близких друзей, к числу которых принадлежали избранные умы и таланты тогдашней Греции. Это действовало на него освежающим образом. Здесь он отдыхал от своей напряженной деятельности, от государственных забот и дум; здесь он расширял свой умствен-

ный кругозор, черпал новые силы и идеи, приходил в тесное общение с лучшими представителями умственных и художественных стремлений века. Все, что было выдающегося в тогдашнем афинском обществе, так или иначе принадлежало к кружку Перикла. В его доме сходились и философы — Анаксагор, Зенон, Протагор, Сократ, тогда еще молодой, — и прорицатель Лампон, и историки, как, может быть, Геродот, и поэты, например, Софокл, и художники, как Фидий или как архитектор-философ Гипподам. Если верить свидетельству древних, не одни мужчины бывали здесь: некоторые приходили в дом Перикла со своими женами. Душою же этого кружка — или, как бы мы теперь выразились, салона — была талантливая, образованная Аспазия, дочь Аксиоха.

Аспазия была родом из Милета, из той Ионии, где до начала V столетия и политическая, и умственная жизнь шла быстрее. Она — яркая представительница той женской эмансипации, которая обнаружилась в Греции в эпоху „Просвещения". В Афинах, новом центре умственной жизни греческого мира, в „школе Эллады", Аспазия появилась около середины V в. и здесь заняла выдающееся положение в обществе. Мы видим ее в доме Перикла; Перикл развелся с своею первою женою, с которою у него, повидимому, было мало общего, и которая после того вступила в новый брак, и сблизился с Аспазией. Женился ли он на ней — вопрос спорный; но есть основание думать, что Аспазия не была гетерой, а

была, вероятно, женою Перикла; тем не менее, с точки зрения тогдашнего аттического права этот брак считался не вполне законным, так как Аспазия не была афинянка, и дети от подобных браков, по Периклову же закону, не могли пользоваться правами гражданства. Как бы то ни было, Перикла и Аспазию связывала серьезная, нежная любовь, основывавшаяся на сходстве их стремлений, общности интересов, одинаковости уровня умственного развития. Аспазия была истинной подругой жизни Перикла, его советником, вдохновлявшим и поддерживавшим его. Богато одаренная, сиявшая красотой, с глубоким и высоко развитым умом, обладавшая даром красноречия, Аспазия первенствовала в кружке Перикла. Тут, при ее деятельном участии и даже, быть может, руководстве, велись беседы на самые разнообразные темы, волновавшие умы и касавшиеся политики, философии, брака и семейного счастья, образования и воспитания.

Если верить древним, Аспазия вдохнула новую жизнь в просветительную философию того времени. Ее называли наставницею не только Перикла, но и Сократа. Ей приписывали большую долю влияния на философское развитие последнего. Сократовский метод, говорили, есть метод Аспазии. В „Менексене“, диалоге, принадлежащем или, по крайней мере, приписываемом Платону, Сократ воспроизводит речь, произнесенную будто бы Аспазией, и Менексен, выслушав, говорит, что „Аспазию можно назвать очень

счастливою, если она, будучи женщиной, в состоянии сочинять такие речи", на что Сократ отвечает: „Если не веришь, то следуй за мною и услышишь, как она говорит". „Я часто встречался с Аспазией", замечает Менексен, „и знаю, какова она". По словам Сократа, у него была не плохая учительница в риторике, а такая, которая сделала хорошими ораторами многих других и даже Перикла, — Аспазия; после этого неудивительно быть сильным в слове. Упоминается о „прекрасных речах" Аспазии политического содержания. Говорили, будто она составила ту знаменитую надгробную речь, которую произнес Перикл над павшими воинами в первый год Пелопоннесской войны, воспользовавшись ее отрывками. Правда, это говорится в „Менексене" скорее в виде иронии или шутки, тем не менее, такие подробности характерны: они показывают, как смотрели в древности на Аспазию, ее красноречие и силу ее влияния. Ее влияние усматривали и в политических событиях того времени; противники считали Аспазию виновницей Самосской войны и Пелопоннесской; комики называли ее Омфалой, Деянирой, Герой Перикла.

Но семейная жизнь Перикла была не без горя и неприятностей. Он не был счастлив детьми, по крайней мере, сыновьями от первого брака. Старший из них, Ксанфипп, уже женатый, недоволен был отцом и влиянием мачехи. Притом, он стремился к роскошной разгульной жизни, а в доме Перикла, как мы

видели, господствовали простота, аккуратность и строгая бережливость. Отсюда частые столкновения Перикла с сыном и с невесткой. Сын не останавливался пред насмешками над отцом и не стыдился даже распространять о нем клевету и грязные сплетни. Такие отношения продолжались до самой смерти Ксанфиппа и отравляли последние годы жизни Перикла.

Натура Перикла была делеко не демократическая. Он не умел легко и непринужденно сближаться с массой; он не был человеком „популярным". Наоборот, его обвиняли в надменности и излишней сдержанности. Он хранил всегда величавое спокойствие и хладнокровие. Никакие оскорбления не могли вывести его из такого сдержанного настроения. Чувство мелкой злобы было ему чуждо. Стоя на высоте могущества, Перикл не злоупотреблял своею властью, и в предсмертные минуты он мог сказать, что никого не заставил носить траур.

Таков Перикл в характеристике преимущественно Плутарха, и самый строй афинского государства открывал ему путь к влиянию. Афинская демократия, с народным собранием в несколько тысяч человек, эта „держава", глава обширного союза, ведшая широкую политику, нуждалась в известном сосредоточении власти и в постоянном руководителе. Существование такого „руководителя демоса", „демагога", влияние одной выдающейся личности было необходимым условием успешной деятельности на-

родного собрания, последовательности в политике, как внутренней, так и внешней. И понятно, в Афинах только тот мог достичь могущественного, постоянного влияния, кто умел воздействовать на народное собрание, подчинять его своей воле, кто был оратором. Таким оратором и „демагогом“ в настоящем значении слова, т.-е. „руководителем демоса“, и был Перикл, соединявший в своих руках в то же время и стратегию.

V

С того времени, как Перикл стал во главе демоса, политический строй Афин, по словам Аристотеля, сделался более демократическим. Но в сущности Перикл, возвысившись при помощи демоса, не думал итти по пути крайней демократии; напротив, давая окончательную организицию афинской демократии и удовлетворяя интересы демоса, он в то же время старался совладать с демократическим движением, урегулировать его, направить в известные, определенные границы. Он, по выражению Фукидида, правил „свободно“, но в то же время „умеренно“. Свободу и равенство Перикл стремился соединить с господством закона и порядка. И в этом отношении он является благороднейшим типом эллина. Грек с гордостью заявлял: „Эллины свободны“. Но с точки зрения эллина, „закон — царь всех, смертных и бессмертных; превозмогающей ру-

кой дает он победу справедливости" (Пиндар). Где закон не властвует, говорит Аристотель, там нет политики, — нет государственного строя. Перикл достиг власти, опираясь на демос, но правил он не исключительно в интересах только одной партии: покровительствуя демосу, он имел в виду и благо целого. Вот почему многие, более умеренные, не ослепленные ненавистью и враждою аристократы примыкали к Периклу.

Перикловы меры направлены были главным образом к тому, чтобы в суде и в управлении фактически, а не только номинально, участвовал весь народ, не одни лишь богатые граждане, — к тому, чтобы предоставить демосу все возможные выгоды и неразрывно связать его интересы с интересами самого государства. Меры эти, в более или менее демократическом духе, состояли в ограничении прав ареопага, введении денежного вознаграждения за службу государству, в развитии клерухий, строительной и художественной деятельности, материальных средств и морских сил Афин.

О том, что Перикл отнял „некоторые права" у ареопага, упоминает Аристотель. Повидимому, это было дальнейшим развитием реформы Эфиальта; но в чем собственно состояло новое ограничение власти ареопага, нам неизвестно.

Самая важная и характерная реформа Перикла — это введение системы денежного вознаграждения. В древности должности носили по-

четный характер и их отправляли безвозмездно. Впервые отступление от этого принципа сделано было при Перикле. Введено было жалованье присяжным, членам совета, войску и флоту: за участие в суде присяжному выдавалось сначала, вероятно, по 1, а потом по 2 обола [1]) в день; члену совета — по 5 оболов, пританам же прибавлялся еще 1 обол „на продовольствие"; гоплит и матрос получал по 1 драхме. Даже архонты и другие должностные лица, за исключением военных — стратегов и гиппархов, — стали получать вознаграждение: архонтам полагалось по 4 обола в день „на продовольствие", причем они должны были содержать глашатая и флейтиста. При Перикле введены были и „зрелищные деньги", феорикон, в размере 2 оболов, которые раздавались в праздник Дионисий, а потом и в другие, чтобы дать возможность и бедным гражданам посещать театр. Что касается платы за участие в народном собрании, то она была введена не Периклом, а позже, в начале IV столетия.

Наши источники, Аристотель и Плутарх, сообщают, что денежное вознаграждение введено было Периклом еще во время его борьбы с Кимоном и служило демагогическим приемом в этой борьбе: Кимон, говорят они, был богат и щедр: он приказал снять ограду вокруг своих полей и садов, чтобы каждый желающий мог беспрепятственно пользо-

[1]) В драхме — 6 оболов, а драхма — франку.

ваться их плодами; ежедневно в его доме готовился обед, простой, но в достаточном количестве для нуждающихся; когда он шел по городу и навстречу ему попадались бедно одетые старики-афиняне, то сопутствующие ему юноши менялись с ними одеждами или же бросали им монеты и т. под., и таким образом Кимон приобретал расположение народа. Перикл не имел собственных средств, чтобы соперничать на этом поприще с богатым Кимоном, и вот он, по совету будто бы Дамонида (Дамона), вводит систему денежного вознаграждения из средств народных, на государственный счет. Нельзя, разумеется, отрицать того, что подобная мера могла служить орудием в политической борьбе, демагогическим приемом. Но, кроме эгоистических мотивов, тут могли быть и иные, более глубокие и важные.

Система денежного вознаграждения была необходима для поддержания и упрочения существовавшего в Афинах строя. Без нее не могло быть и демократии в действительности. Плата присяжным или судьям (гелиастам, дикастам) вызывалась самою силою вещей и являлась неотложною, особенно со времени реформы ареопага, при тогдашних обстоятельствах и положении Афин, как главы союза, члены которого должны были по всем важнейшим делам обращаться в афинский суд. Она стоит в неразрывной связи с развитием деятельности гелиэи. Без введения платы нельзя себе и представить этой деятельности. Не будь вознаграждения, не было бы

и необходимого числа дикастов: едва ли можно было ожидать, что всегда найдется в Аттике несколько тысяч людей (всех присяжных, вместе с запасными, в Афинах требовалось 6000), которые ради отправления судейских обязанностей пожертвуют своим временем и трудом, оставят свои занятия, свое хозяйство. По поводу платы за посещение народного собрания, введенной уже после Перикла, Аристотель, вовсе не сочувствующий подобной мере, однако, свидетельствует, что пришлось ввести ее по необходимости: иначе граждане не собирались и члены совета, пританы, долго придумывали, чем их привлечь в народное собрание. Затем, если Перикл желал, чтобы в Афинах существовал на самом деле, а не только по имени, суд народный, то он должен был ввести плату присяжным; иначе суд мог оказаться в руках лишь знатных и богатых. Самая эта плата в 1 или 2 обола была незначительна: за такую сумму гелиаст мог иметь лишь скромный обед. Все сказанное относительно платы дикастам применимо еще в бо̀льшей степени по отношению к жалованью членам совета, являвшемуся необходимым вознаграждением уже в виду той массы дел, которая подлежала ведению совета. О жалованье войску и флоту нечего и говорить: содержание почти постоянного войска и флота, тяжелые войны, а в мирное время ежегодные продолжительные морские маневры, заведенные Периклом, все это делало плату тут мерой необходимой. Еще во время греко-

персидских войн, при осаде Сеста (479 г.), афинские гоплиты, в виду своих трат, требовали возвращения домой, и Аристотель замечает, что если нет жалованья, то граждане, в особенности бедные, уклоняются от службы. Введение вознаграждения за военную службу стоит в связи с внешней политикой Афин и с тем положением, которое они тогда занимали в Греции.

Но ни одна Периклова мера не вызывала столько порицаний в древности и в новое время, как феорикон. В нем видели „гибельнейшее порождение Периклова века“, „язву государственного благосостояния Афин“, поглощавшую их доходы, истощавшую их средства, развращавшую афинян. В сущности же, феорикон был возмещением платы за вход, за место в театре. Предоставлялась возможность каждому афинянину иметь свою долю участия в общих торжествах, тем более, что празднества и самые театральные представления в Греции имели религиозное значение, были тесно связаны с культом. Во всяком случае, при Перикле феорикон не принимал еще таких размеров, как впоследствии, в IV в., и тот самый ученый (Бек), которому принадлежит приведенная выше квалификация феорикона, оговаривается, что пока был жив Перикл, у афинского народа не было недостатка ни в деятельной энергии, ни в патриотическом духе, и признает, что не мог же знать Перикл, что 20 олимпиад (т.-е. 80 лет) спустя после его смерти толпа

предпочтет употребить государственные доходы на пиршества, нежели предпринять поход в защиту своей свободы.

Чрезвычайно важною мерою в социальном отношении было основание клерухий, т.-е. поселений афинских граждан за пределами Аттики. Поселенцы получали земельные участки в пользование, без права отчуждения — собственником этих участков считалось государство, — но сохраняли за собою права афинского гражданства, несли повинности наравне с остальными гражданами, продолжали числиться в филах и демах, к которым они принадлежали до переселения. В этом — отличие клерухий от колоний. Клерухии основывались и раньше Перикла, но при нем эта мера достигла наибольшего развития, превратилась как бы в систему. Число афинских клерухов перед Пелопоннесской войной доходило до 8000 — 10000. При Перикле клерухии возникали иногда путем договоров с союзниками: местным жителям взамен уступленной для клерухов земли сбавлялась соответствующая сумма платимого ими фороса. Наряду с клерухиями основывались и собственно колонии; иногда различие между ними трудно провести. Поселенцы принадлежали преимущественно к менее состоятельным классам. Таким образом государство приходило на помощь пролетариату. В местах своих новых поселений клерухи из неимущих делались уже сравнительно зажиточными земледельцами-хозяевами; мно-

гие из фетов переходили в класс зевгитов, вместе с тем увеличивая собою ряды тяжеловооруженной пехоты. Этого не мог не отметить и Плутарх, считающий вообще и систему клерухий демагогической мерой. А по словам одного современного исследователя, если что и спасало Афины от социального переворота, то это было главным образом внешнее могущество государства, позволявшее удовлетворять пролетариат раздачей земельных участков вне пределов Аттики. Подобно колониям, клерухии доставляли также выгоды и в торговом отношении: благодаря им, упрочивалась и поддерживалась связь с отдаленными странами. Но еще более клерухии должны были служить опорою и стражами афинского могущества. Это были наблюдательные посты, можно сказать, с постоянными гарнизонами из афинских граждан.

Для афинян чрезвычайно важно было обладание проливами, Босфором и Геллеспонтом: чрез них шел хлеб и другие продукты из припонтийских стран. Между тем, греческие обитатели Херсонеса Фракийского постоянно были тревожимы и теснимы своими соседями, фракийцами. На помощь грекам, во главе экспедиции, явился Перикл, принял меры для защиты жителей Херсонеса, восстановил стену, возведенную еще некогда Мильтиадом в самом узком месте полуострова, и в подкрепление тамошним грекам оставил 1000 афинских клерухов. Повидимому, новым поселенцам уступлены были

участки земли местными жителями, и форос с последних уменьшен с 18 талантов приблизительно до 2 — 2½. Из того, что Сест, сравнительно значительный город, до самого 439/8 г. вносил лишь 500 драхм, можно заключить, что в нем, как важнейшем стратегическом пункте, более всего было поселено клерухов. Быть может, около того же времени были поселены клерухи и на лежащих у входа в Геллеспонт островах Лемносе и Имбросе. Из Цикладских островов при Перикле клерухами заняты были Наксос и Андрос. Поселения эти тоже, как видно, сопровождались сбавкой фороса; вероятно, взамен уступленных земельных участков.

По словам Плутарха, во Фракию, в страну бисальтов, Периклом отправлено было 1000 клерухов, а из дошедшей до нас надписи мы узнаем, что во Фракии основана была колония Брея [1]), причем для нарезки земельных участков избрано было 10 „геономов“; определялись обязанности поселенцев; за нарушение со стороны афинян постановления грозило строгое наказание. Прибавка к постановлению гласила, что поселенцы должны быть из зевгитов и фетов, т.-е. из двух нисших классов.

Но особенно важно было для афинян стать твердою ногою на нижнем течении р. Стримона. Недалеко от устьев река эта делает крутой изгиб и с

[1]) Прежде ее отождествляли с клерухией в стране бисальтов, о которой упоминается у Плутарха; Белох отождествляет ее с Амфиполем.

трех сторон окружает возвышенность. Пункт этот имел большое стратегическое и торговое значение. Это был лучший сторожевой, наблюдательный пост по отношению к соседним союзным городам, оплот против Фракии и Македонии, ключ к этим странам, в то время начинавшим уже приобретать немалое значение, являвшимся уже такими силами, с которыми приходилось грекам так или иначе считаться. Ниже упомянутого изгиба и возвышенности находилась переправа через Стримон. Тут был узел дорог, шедших по разным направлениям — от Стримонского залива в глубь Фракии, от Геллеспонта в Македонию — и здесь именно скрещивавшихся. Недаром находившееся здесь туземное поселение носило прежде название: „Девять дорог". А окружающая страна и ее горы богаты были корабельным лесом, столь необходимым для афинского флота, и драгоценными металлами. Немудрено поэтому, что греки давно уже стремились к обладанию этим пунктом, но терпели неудачи. Особенно было памятно поражение, понесенное ими при Драбеске, во времена Кимона. Только при Перикле усилия афинян наконец увенчались полным успехом. 28 лет спустя после катастрофы при Драбеске, в 437 г., афинские поселенцы под предводительством Гагнона высадились у Эйона и отсюда двинулись далее вверх по Стримону, к „Девяти дорогам", изгнали оттуда местных жителей, эдонов, и овладели этим пунктом. Город получил название Амфиполя. С севера, за-

запада и юга его щищали воды Стримона, а с единственно незащищенной — восточной — стороны построена была стена. К афинским поселенцам присоединились выходцы из соседних городов, так что население Амфиполя было смешанного характера, чем отчасти объясняются позднейшие отношения этого города к Афинам [1]).

Во времена Перикла афинские колонисты отправлялись и к отдаленным Понтийским берегам. Поселения эти находятся в связи с его экспедицией в Понт, о которой придется еще упомянуть. Перикл обратил внимание и на запад, с которым еще до Сицилийской экспедиции (415 г.) установились довольно близкие культурные, торговые и политические связи. Из Сицилии афиняне получали хлеб, из Этрурии — железо, медь и металлические изделия. Из Афин в Италию шли оливковое масло, серебро и в особенности славившаяся керамика, которая вывозилась в Этрурию, а также в Кампанию, к устьям По, в Сицилию и, может быть, в Апулию. В Сицилии и Этрурии даже господствовала в V в. аттическая монетная система: монеты чеканились там по аттическому образцу. Уже Фемистокл подумывал

---

[1]) По Диодору, афиняне в 435/4 г. основали на берегу Пропонтиды (Мраморного м.) город Летан. Но такой город неизвестен, и есть предположение, что здесь описка: вместо Летан следует читать Астак, который находился на мало-азиатском берегу Пропонтиды. Его население могло быть подкреплено афинскими поселенцами.

о связях с Италией, об основании там поселения. К средине V в., т.-е. к эпохе Перикла, относится заключение договора Афин с сицилийским городом Эгестой, — договора, обломок которого дошел до нас. Известия древних сообщают, что около того же времени из Рима отправлено было в Афины посольство для ознакомления на месте с Солоновыми законами. И вот, когда в средине 40-х годов потомки жителей разрушенного некогда кротонцами Сибариса обратились в Афины с просьбой оказать им содействие при основании нового города на месте прежнего, подкрепив их колонистами, так как попытка их, предпринятая одними собственными силами, встретила противодействие со стороны враждебного им Кротона и они были снова изгнаны, то Перикл пошел навстречу их просьбе и на благодатной почве древнего Сибариса задумал устроить колонию в широком масштабе. По греческим городам, в том числе и пелопоннесским, посланы были глашатаи с объявлением, что всякий желающий может принять участие в основании колонии. Таким образом, новая колония должна была быть панэллинскою под руководством Афин. На Евбее и других островах, в Беотии, Ахаие, Аркадии, Элиде и т. д. многие охотно откликнулись на зов афинян. Из Афин для устройства колонии отправлено было 10 комиссаров, между ними прорицатель, хресмолог Лампон и автор элегий Дионисий, которого называли „Медный“, так как он впервые ввел в Афинах че-

канку мелкой медной монеты. Согласно указанию оракула основать колонию там, где поселенцы могли бы пить умеренно воду и есть без меры хлеб, недалеко от прежнего Сибариса, заложен был город Фурии (444/3 г.), получивший название от находившегося там источника. При содействии Гипподама, архитектора-философа, отправившегося с колонистами из Афин, город построен был по строго определенному плану: в длину шли 4 улицы и в ширину 3; каждая улица носила особое название. В первые годы своего существования Фурии привлекали в свои стены немало тогдашних знаменитостей: кроме Гипподама, „отец истории“ Геродот, софист Протагор, философ Эмпедокл жили некоторое время там. Подобно древнему Сибарису, новый город вскоре стал цветущим, но затем начались внутренние раздоры и смуты. Население его было слишком смешанного характера, и перевес оказывался на стороне враждебных афинянам элементов.

Но чем бо̀льшими правами и выгодами пользовался афинский демос, тем ревнивее сохранял их только за собою, не желая делить их с другими, стараясь не расширять, а скорее съузить круг лиц, пользующихся правом гражданства. Этим объясняется закон, который провел Перикл в 451/450 г. и по которому право гражданства принадлежало лишь чистокровным афинянам, — тем, кто происходил от афинянина и афинянки. Могло тут действовать и желание Перикла очистить состав афинских

граждан, положить конец проникновению в него чуждых элементов, которые все усиливались с тех пор, как Афины стали главою союза, торговым и умственным центром греческого мира, куда сходилось много уроженцев разных стран, и где росло число смешанных браков. Закон этот уменьшал число граждан как раз в то время, когда Афины понесли тяжкие потери в борьбе за гегемонию на суше; он отталкивал от них многие элементы и если бы применялся раньше, то многие даровитые, прославленные деятели Афин не были бы полноправными гражданами, напр., Клисфен, Фемистокл, Кимон, историк Фукидид. Афинские граждане составляли полноправное меньшинство, пользовавшееся политической свободой, равенством, разными благами, среди остального населения, неполноправного, к которому принадлежали метэки и рабы, не говоря о женщинах. И когда в 445/4 г. ливийский царь Псамметих прислал в дар афинянам 30 или 40 тыс. медимнов [1]) хлеба и когда хлеб этот пришлось делить между гражданами, то получили его 14240 человек [2]); многие же были устранены путем ревизии списков граждан (диапсефизма) или, что вероятнее, путем процессов по обвинению в „чужеземном происхождении", незаконном присвоении звания гражданина.

---

[1]) Медимн = 2 четверикам (52,53 литра).

[2]) Это, конечно, не общая цифра всех афинских граждан того времени: хлеб получили преимущественно феты; люди состоятельные, а также отсутствовавшие или жившие вдали от Афин, за получением его не явились.

VI

Самою характертною чертою „Периклова века“ и Периклова правления является развитие строительной и художественной деятельности, создание великих памятников искусства в области архитектуры и скульптуры.

Строительная деятельность Перикла имела в виду укрепление Афин и их украшение.

Перикл довершил укрепление города. Мы видели, что уже возведены были „Длинные стены“: одна — от Афин к Пирею, другая — к Фалерской гавани. Но между Пиреем и Фалером еще оставалось пустое, незащищенное пространство. Тут мог высадиться неприятель и угрожать Пирею и Афинам. И вот Перикл лично выступил в народном собрании с предложением построить еще третью стену, но не вдоль морского берега между Пиреем и Фалером, а между уже существовавшими стенами, параллельно северной и недалеко от нее, по направлению от Афин к Мунихии [1]). Предложение было принято, хотя, вероятно, не без оппозиции. Работы шли медленно, что̀ комикам давало повод к злым насмешкам над Периклом. Но к началу Пелопоннесской войны „средняя“ или

[1]) Такой план может быть объяснен тем, что Перикл желал избегнуть болотистой местности вдоль берега, и тем, что в таком случае меньшее пространство приходилось защищать, меньше требовалось прикрытия.

„южная“, как ее называли, стена была окончена, и Афины были теперь неприступны с суши.

С возведением средней стены Фалерская стена была заброшена, а Фалерская гавань обречена на запустение. Зато значение Пирея еще более поднялось. Пирей при Перикле был заново перестроен, по плану Гипподама, с соблюдением строгой симметрии: проведены прямые, широкие улицы, пересекавшиеся под прямым углом; устроена площадь, названная по имени строителя города Гипподамовой. Находившиеся в Пирее арсеналы, верфи, доки приведены в самый исправный вид и число их увеличено. Военная гавань отделена от торговой: военные корабли не должны были мешать купеческим судам. На берегу торговой гавани тянулись 5 хлебных магазинов, из которых самый большой построен был Периклом. Им же построена была и дейгма, своего рода биржа, где выставлялись образцы товаров.

Украшение Афин, кроме эстетических мотивов, вызывалось еще и другими: оно имело социальное значение. Как мы видели, во время борьбы с Фукидидом Алопекским Перикл развивал ту мысль, что, за удовлетворением военных надобностей, излишек средств следует употреблять на такое дело, которое доставит Афинам не только славу, но и благосостояние, займет все руки: надо, чтобы весь город был на жалованье, сам себя украшая и вместе с тем питая. Поэтому Перикл, говорит Плутарх, внес в народное собрание планы великих построек и проекты высоко-

художественных произведений, требовавших много времени для осуществления, чтобы те, кто остается дома, имели основание получать и свою долю из государственных средств, как и те, кто служит во флоте, в гарнизоне и участвует в походах. И Плутарх перечисляет разнообразные профессии лиц, получавших заработок благодаря развитию строительной и художественной деятельности, начиная с художников и кончая поденщиками и чернорабочими. „Таким образом, между всеми возрастами и профессиями распределялись занятия и распространялось благосостояние". Вместе с денежным вознаграждением, феориконом и клерухиями, это была своего рода система государственного социализма.

Памятники, созданные в „век Перикла", сосредоточивались преимущественно в акрополе. Они составляли нечто цельное, единое; в основе лежал один определенный, тщательно продуманный план. Господствующая мысль — почитание и прославление богини Афины, мудрой покровительницы города и всего государства, на которую еще Солон возлагал твердое упование:

Родина наша не сгибнет во-веки по воле Зевеса,
И по желанью других вечно-блаженных богов.
Ибо над нею Афина-Паллада, могучая сердцем,
Гордая мощным отцом, руки простерла свои [1]).

---

[1]) Перевод Г. Ф. Церетели. О „Художественном идеале демократических Афин", см. очерк Б. В. Фармаковского. П. 1918.

Афина — это „олицетворение самой афинской демократии“, „воплощение славы Афинского государства“ (Б. В. Фармаковский).

У входа в акрополь, с западной стороны, сооружены были Пропилеи, — крытая колоннада из мрамора, с великолепною мраморною лестницею, составлявшие „преддверие“, монументальные ворота, ведшие в акрополь. В акрополе, на площади, поставлена колоссальная статуя Афины-Защитницы, из бронзы, работы Фидия; говорили, будто острие ее копья, блестевшее на солнце, и гребень ее шлема видны были даже тем, кто плыл мимо мыса Суния, у юго-восточной оконечности Аттики. В южной части акрополя, на возвышении, на месте более древнего храма, начатого постройкой до персидского нашествия, и потом, после разрушения варварами, не законченного, сооружен был знаменитый Парфенон, — храм Афины-Девы, из мрамора, в дорическом стиле. В нем стояла статуя богини, тоже произведение Фидия; самая статуя была из слоновой кости, а одежда ее — из золота. Снаружи фронтоны, фриз и метопы Парфенона были украшены мраморными изваяниями. Скульптуры фриза внутри, например, необыкновенно живо изображали торжественную процессию в праздник Великих Панафиней, в честь богини Афины. Особенно замечательны здесь всадники и их кони. Постройка Парфенона начата в 447 г., а Пропилей — в 438 г.; оба здания закончены как раз пред Пелопоннесскою войною, в 432 г. Перикл не успел осуществить свои широкие

планы в полном объеме. Небольшой, изящный храм Афины-Победы (Ники), сбоку Пропилей, на выступе скалы, задуманный еще в средине V в., отстроен уже после Перикла. Эрехфейон, с его портиком, в котором вместо колонн служили изваяния девушек, „кор“, сооружен тоже после Перикла, во время Пелопоннесской войны.

Вне акрополя при Перикле построены так называемые „Тесейон“ (на самом деле, вероятно, храм в честь Гефеста), до сих пор хорошо сохранившийся, и Одеон, с крышей, напоминающей шатер, — место музыкальных состязаний. Воздвигались замечательные храмы и в других местах Аттики — в Элевсине, Рамнунте.

Перикл был душою всего этого дела, вносил в народное собрание проекты построек, отстаивал их, вникал в подробности, был главою строительных комиссий, умел выбирать соответствующих исполнителей. Строителем, например, Пропилей был Мнесикл, Парфенона — Иктин и его помощник Калликрат, строивший и „Длинную стену“. Правою же рукою Перикла был Фидий, которому были поручены главное расположение и надзор за всем.

Так воздвигались памятники, по выражению Плутарха, „величественные по своей громадности, неподражаемые по своей красоте и изяществу“, „исполненные в короткое время, но для вечного существования“, — памятники, которых и „время не косну-

лось, как будто кто вдохнул в них вечную, цветущую жизнь и не стареющую душу". Они красноречиво свидетельствуют не только о культурных стремлениях Перикла, но и о культурном уровне афинской демократии, о ее отношени к искусству: демос афинский умел ценить прекрасное. Был народ, говорит Ренан, „была публика, понимавшая красоту Пропилей и совершенство мраморов Парфенона". Перикл вполне достиг великой цели, которую он имел в виду наряду с заработком для массы и распространением благосостояния между „всяким возрастом и профессиями": Афины, украшенные великими памятниками искусства, действительно, были столицей, „школой Эллады", „Элладой Эллады". В тогдашней Греции они были первым и самым многолюдным городом. В „Периклов век" в них насчитывалось более 100.000 жителей, цифра для того времени громадная. Даже Пиндар, уроженец враждебной Афинам Беотии, прославлял их: „Блестящие, увенчанные фиалками, воспетые, славные Афины, опора Эллады, божественный город". А у одного поэта того времени говорится:

„Да, ты чурбан, когда Афин не видел;
Осел, коль, видя их, не восхищался;
Когда ж охотно кинул их, — то мул".

Афины Периклова века были главою союза, столицею могущественной державы, умственным, художественным, торговым и промышленным центром грече-

ского мира. Сюда сходилось и здесь жило немало уроженцев союзных городов и других подчас далеких краев, торговцев, ремесленников, рабочих, моряков. Сюда стекались толпы людей, надеявшихся именно в Афинах и в Пирее, среди кипевшей там деятельности, найти скорый и лучший заработок. Тут можно было встретить представителей разнообразных профессий и разных племен, „смесь из всех эллинов и варваров“, по выражению очевидца; особенно пестрая толпа наполняла Пирей. Были в Афинах и представители тогдашней философии, умственной и художественной деятельности, являвшиеся сюда из других городов. На площадях и улицах уже появляется, привлекая к себе общее внимание, новая фигура — странствующего учителя мудрости и красноречия, софиста, в роскошной, пурпуровой одежде, предшествуемого громкою молвою, сопровождаемого толпою последователей, слушателей или просто любопытных. В Афины, к торжественным празднествам, являлись многочисленные депутации союзников: весною, к Дионисиям, — с форосом; летом, к Панафинеям, — с жертвенными животными; осенью — с дарами Элевсинским богиням, Деметре и Персефоне, с „начатками от плодов земных“. Нигде в Греции не было столько празднеств, торжественных процессий, жертвоприношений и зрелищ, нигде зрелища не обставлялись так, как в Афинах. Особенно выдавались театральные представления. То было время, когда Эсхил, творец „Персов“, „Прометея“ и „Евменид“,

закончил свою деятельность, когда талант Софокла, автора „Антигоны", „Электры" и „Эдипа", был во всем блеске и когда выступил уже с своими первыми произведениями Еврипид, этот „сценический философ", отзывавшийся на самые животрепещущие вопросы и темы. А комедия, носившая преимущественно характер политический, в лице предшественников и старших современников Аристофана, заняла уже видное место среди литературных произведений. До 30.000 зрителей присутствовало иногда при театральных представлениях в Афинах. То была пора греческого „Просвещения", представителями которого с одной стороны являлись такие философы, как Анаксагор, с его учением о „разуме", с его стремлением объяснять явления причинами естественными, а с другой стороны — софисты, утверждавшие, что человек есть мера вещей, — время пробуждения и развития критической мысли, разума, рационализма. Представители нового философского направления начинают играть видную роль в тогдашнем обществе. В некоторых домах Афин устраиваются собрания, в которых ведутся философские беседы и споры. Софисты собирают вокруг себя толпы слушателей. Прибытие софиста Протагора в Афины — крупное событие. Весть о нем переходит из уст в уста. Знакомый Сократа, Гиппократ, спешит к нему еще до рассвета, чтобы сообщить об этом; он готов ничем не поступиться, лишь бы знаменитый софист сделал и его мудрым. Но Сократ

уже знает о прибытии Протагора. Лишь стало светать, они идут в дом богача Каллия, где остановился Протагор. Дом уже полон гостей, слушателей и собеседников. Там находится не только Протагор, но и два других знаменитых софиста — Гиппий и Продик...

Для системы денежного вознаграждения, содержания многочисленного флота, поддержания внешнего могущества и этого блеска, создания великих памятников искусства и широкого развития строительной деятельности, — для всего этого нужны были большие финансовые средства. Одна статуя Афины-Девы стоила, напр., до 700 — 800 талантов [1]), Пропилеи — 2012 тал. Высчитано, что в десятилетие с 447 по 438 г. на постройки издержано 3000 тал., а с 437 г. до начала Пелопоннесской войны (431 г.) — 4000. Тем не менее, при Перикле афинские финансы достигают самого блестящего состояния. Он как нельзя лучше понимал, каким могущественным орудием в государственной жизни служат денежные средства, и именно при нем афинская казна была так богата ими, как никогда еще: в половине 30-х годов V в. в ней хранилось 9700 тал., и еще в самом начале Пелопоннесской войны, несмотря на громадные расходы, на постройку Пропилей и осаду Потидеи, в казне оставалось 6000 тал., не считая священных предметов, утвари, даров и т. п., хранившихся в

[1]) В таланте 6000 драхм, а драхма = франку.

храмах, чем, в случае крайности, государство могло воспользоваться. Впервые в Афинах мы видим более или менее сложную финансовую организацию. Интересен самый принцип, основной характер финансового управления Афин того времени. В этом отношении чрезвычайно характерны два постановления народного собрания, дошедшие до нас в надписях. Одним из них самым точным образом определяется порядок уплаты долга „другим“, кроме Афины, „богам“ и хранения казны этих богов. Другое постановление касается казны богини Афины. Из этих постановлений мы видим, как излишек доходов не тратится легкомысленно, а идет на покрытие долга священной казне или на устройство верфей и укреплений. Мы видим тут определенный порядок, строгую отчетность и гласность. До нас дошли подробные описи предметов, принадлежавших Афине и „другим богам“; дошли и долговые записи, в которых в точности, „до последней драхмы и обола“, обозначалась сумма, должная государством священной казне. Дело в том, что в Афинах, кроме государственной казны, существовала и священная казна, из которой афиняне, в случае надобности, брали заимообразно на известных условиях, с соблюдением сложных формальностей, уплатой процентов и обязательством возвратить долг. Для государства священная казна служила таким образом запасною. Вообще, и здесь, в деле финансового управления, в лучшую пору Афин мы видим тот же дух самоогра-

ничения, то же стремление предупреждать поспешные, легкомысленные решения случайного большинства народного собрания, каким проникнут был и порядок афинского законодательства. Есть даже основание думать, что бюджет расходов в Афинах устанавливался законодательным порядком: в пределах установленной суммы можно было расходовать по постановлению народного собрания, а добавочные расходы нуждались в дополнительном законе.

Рядом с внешним могуществом и блестящим положением государственных финансов торговля и материальное благосостояние самих афинских граждан достигли тоже своего высшего развития. Владычествуя на море, афиняне властвовали и над торговлею. „Что̀ только есть хорошего в Сицилии, или Италии, или на Кипре, или в Египте, или Лидии, или в Понте, или в Пелопоннесе, или в другом месте“, замечает древний автор-олигарх, „все это собирается в один пункт — в Афины, благодаря их владычеству на море“. „Вследствие величины города“, говорит Перикл у Фукидида об Афинах, „сюда сходится все со всей земли, и мы можем наслаждаться благами остальных стран с такою же легкостью, как и благами своей земли“. Торговые связи Афин обнимали и Восток, и Запад. Афины Периклова века являлись посредником между восточной и западною частью Средиземного моря, торговым центром, главным складочным местом греческого мира, а Пирей — самою оживленною гаванью Греции.

VII

Пред началом великих построек, после прекращения военных действий против Персии и во время пятилетнего перемирия в Греции, вероятно, между 448—447 гг. Перикл предпринял замечательную попытку — созвать в Афинах обще-эллинский конгресс из представителей всех греческих городов, больших и малых, — для совещания „о храмах, сожженых варварами, о жертвоприношениях, обещанных за спасение Эллады во время борьбы с персами и еще не совершенных, о соблюдении мира и безопасном для всех плавании по морю“. Таким образом, — интересы религиозно-национальные, интересы мира и общей безопасности — вот, что должно было служить предметом совещания. Избрано было 20 послов, людей пожилых, имевших от роду более 50 лет, и из них снаряжено 4 посольства, по 5 человек в каждом: одно посольство отправлено было к ионянам и дорянам, в Арию, и к жителям островов, от Лесбоса до Родоса; другое — к городам геллеспонтским и фракийским, до самой Византии, третье — в Среднюю Грецию, до Акарнании и Амбракии, и в Пелопоннес; четвертое — чрез Евбею, к жителям у Эты и Малийского залива и к фессалийцам. Но план Перикла не осуществился: он встретил противодействие со стороны лакедемонян. Тем не менее, в

этой неудавшейся попытке Плутарх, единственный автор, сохранивший нам известие о ней, справедливо видит доказательство величия и возвышенности ума Перикла. Тут ярко обнаруживаются мирные и панэллинские стремления Перикла. Перикл возвышался над узким местным патриотизмом до живого сознания единства всего греческого народа. Но он не иначе представлял себе это единство, как с преобладанием Афин. И эта неудавшаяся его попытка национального конгресса, равно как и его отношение к искусству, лучше всего показывает, как уживались и примирялись в нем панэллинские идеи и стремление возвысить Афины: с точки зрения Перикла интересы Афин и интересы общеэллинские являлись, в сущности, тождественными; благо всей Греции представлялось ему неразрывно связанным с преобладанием, могуществом и славой Афин.

Вообще, программа Перикла во внешней политике состояла в упрочении и охранении существующего, в подготовлении средств к будущей войне со Спартой, — войне, которую Перикл предвидел. Это была политика сосредоточения сил. Перикл был враг завоевательных планов и рискованных предприятий, и в то время, как демос хотел снова вмешаться в дела Египта и вступить в решительную борьбу с Персией, в то время, как многими уже тогда, по выражению Плутарха, овладела „несчастная и роковая страсть к Сицилии“, а некоторые начинали грезить даже об

Этрурии и Карфагене, он всячески старался удерживать афинян от подобных стремлений и от политики приключений.

Так характеризуют Периклову политику и Фукидид, и Плутарх. Не противоречат ей и экспедиции Перикла в Херсонес Фракийский и в Понт. Обе они не носят завоевательного характера. Первая, о которой мы уже говорили, имела целью защиту и поддержку херсонесских греков и упрочение за афинянами Геллеспонта. Что касается экспедиции в Понт, то между Афинами и припонтийскими странами давно уже были тесные связи. Аттика существовала главным образом привозным хлебом, и этот хлеб, особенно пшеница, получался преимущественно из припонтийских стран. Оттуда же шли в Афины — соленая рыба, лен, пенька, смола, строевой лес, шкуры, воск, мед, даже рабы, а из Афин отправлялись туда — глиняная посуда, масло, предметы роскоши, художественные изделия, разные безделушки. Афинские союзники тоже находились в торговых сношениях с берегами Понта. Экспедиция, которую Перикл предпринял в 30-х годах, должна была еще более упрочить торговые связи с Понтом и поддержать тамошних греков, которым могли угрожать такие соседи, как Терес, положивший начало могуществу одрисов во Фракии, его преемник Ситалк, и скифы; она должна была поднять авторитет и значение Афин, показав воочию во всем блеске их силу на море. По словам Плутарха,

Перикл явился в Понт во главе большого и блестящего флота, к греческим городам отнесся благосклонно и исполнил то, о чем они его просили, а окрестным варварским народам, их царям и династам показал всю силу, безбоязненность и смелость афинян, плавающих где им угодно, и подчинивших себе все моря. В Синопе Перикл оставил Ламаха с 13 кораблями и соответствующим числом воинов для действий против местного тирана Тимесилая; последний был изгнан вместе со своими приверженцами, а в Синоп отправилось по вызову 600 афинских поселенцев, между которыми были разделены дома и имения, принадлежавшие тиранну и его сторонникам. По всей вероятности, около того же времени, благодаря Перикловой экспедиции, афиняне поселились и в другом городе на северном берегу Малой Азии — в Амисе. Есть основание думать, что Перикл посетил и северный берег Понта Эвксинского и вступил в дружественные связи с владетелем Пантикапея или Боспора (нын. Керчь), а это для Афин было особенно важно, так как преимущественно из Пантикапея шел хлеб, относительно вывоза которого Перикл, повидимому, успел достичь некоторых льгот в пользу афинян. Вероятно, тогда же афиняне утвердились и в Нимфее, — гавани у глубоко врезывающейся бухты, немного южнее Пантикапея.

Экспедиция Перикла в Понт являлась своего рода демонстрацией афинского могущества. Понтийские города введены были теперь в сферу афинского

влияния; но при Перикле фороса с них еще не взималось. Перикл довольствовался лишь влиянием тут Афин, признанием афинского протектората, укреплением торговых связей, устройством факторий и отправлением туда афинских поселенцев. „Нигде, может быть, Афины не умели согласовать так свой национальный долг со своими материальными интересами, как в Понте. Под их покровительством тамошние города и государства достигли необыкновенного процветания и, как, например, владетельный род Спартокидов, на деле доказали свои симпатии по отношению к ним, даже позже, когда Афины давно уже не способны были воздать им за это“ (У. Келер).

Главную силу Афин Перикл видел во флоте. На него он обращал особое внимание, и недаром Фукидид влагает в уста Периклу слова, что морским делом нельзя заниматься как бы случайно, мимоходом (I, 142). При Перикле морские силы Афин состояли из 300, если не более, триэр, вполне исправных и готовых к действию. Перикл завел для флота ежегодные маневры, которые продолжались по 8 месяцев и в которых участвовало по 60 судов. Благодаря этому, афиняне приобретали необходимую опытность в морском деле, флот их всегда был наготове; это же способствовало поддержанию афинского владычества, служа средством наблюдения за союзниками и внушая им страх. Но Перикл не оставлял в пренебрежении и сухопутного войска. Общее число пехоты, гоплитов всех категорий, при нем

доходило до такой цифры, как никогда еще в Афинах, — до 29000; из них обязанных к полевой службе и далеким походам было 13000; конница состояла из 1000 всадников и 200 конных стрелков; кроме того, имелось еше 1600 стрелков пеших.

При Перикле Афинское государство представляло собой довольно обширную державу, которой подчинено было, если верить Аристофану, до 1000, а судя по дошедшим до нас спискам дани — более 200 союзных городов, плативших форос: владычество Афин простиралось на все почти острова и береговую полосу Эгейского моря в Македонии, Фракии, Малой Азии и на берега Пропонтиды; значит, прочность их могущества, самое благосостояние, во многом зависели от верности союзников.

Союзники эти делились на два разряда: на самостоятельных, автономных, и не-автономных, подчиненных. Автономными союзниками ко времени Периклова полновластия были лишь три больших острова — Лесбос, Хиос и Самос. Остальные союзники принадлежали к разряду подчиненных. Они платили форос, общая сумма которого пред началом Пелопоннесской войны у Фукидида определяется в 600 тал. в год; но из сохранившихся надписей, содержащих списки дани, оказывается, что форос при Перикле не достигал означенной цифры и при первой же возможности уменьшался. Как было уже упомянуто, союзная казна в средине V в. была перенесена в Афины, и таким образом перешла в распоряжение

главы союза. Но мнение, будто бы при Перикле Афины украшались на счет союзников, далеко неточно: немало сумм бралось и из городской казны, и из казны богини Афины и „других богов“ и т. д. Повидимому, из союзной казны употреблялись средства только на такие здания и предметы, которые имели какое-либо отношение к союзу или его покровительнице, богине Афине. Большая же часть получаемой дани или служила для пополнения денежного запаса, или шла на то, на что форос и первоначально предназначался, — на военные нужды, на содержание флота. Другая черта, отличавшая неавтономных союзников, — подчинение их суду афинскому. Право суда афинян над союзниками развивалось естественно, постепенно и дошло до того, что самим союзникам предоставлено было решение лишь немногих мелких дел; дела же политические и уголовные подлежали суду афинскому.

Мы видим тут централизацию, которая естественно вытекала из предыдущего хода дел: афиняне, так сказать, брали то, что само давалось им в руки. Союзники взамен утраченной независимости получали безопасность, мир, возможность развивать свою торговлю, материальное благосостояние, защиту от притеснений со стороны более сильных соседей. Тем не менее, между Афинами и союзниками не было глубокой общности интересов и неразрывной связи. Право афинского гражданства на союзников не распространялось. Афины и при Перикле не дошли

до того, чтобы неразрывно связать их с собою, уравняв в правах с гражданами, вроде того, как впоследствии поступил Рим.

Афиняне поддерживали в союзных городах демократию, и демос там служил им опорой; на него только они и могли положиться, а аристократы являлись их противниками, и попытки к свержению афинского господства исходили обыкновенно от них. Так было и при Перикле, когда восстал остров Самос (440/39 г.).

Поводом к восстанию послужила распря Самоса с Милетом из-за города Приэны. Самосцы отказались подчиниться требованию афинян, вызванному просьбой Милета, — предоставить решение спора их посредничеству, и тогда Перикл с 40 кораблями явился к Самосу, низвергнул там аристократию и установил демократию, оставил в городе гарнизон и „епископов“ (комиссаров), взял заложниками 50 взрослых мужчин и столько же мальчиков и поместил их на Лемносе, где были афинские клерухи. В несколько дней покончив дела на Самосе, Перикл возвратился в Афины. Но аристократическая партия в Самосе не думала безропотно покоряться своей участи. Некоторые из самосцев бежали на материк, нашли так поддержку в персидском сатрапе, Писсуфне, от которого получили вспомогательный отряд в 700 человек, вошли в соглашение с самосскою знатью, ночью переправились на остров, и демократы были побеждены. Затем самосцам удалось освобо-

дить своих заложников на Лемносе, после чего они уже открыто отложились от Афин, захватили афинский гарнизон и афинских должностных лиц, находившихся в городе, и выдали их Писсуфну.

Для Афин положение дел было серьезное. Самос обладал сильным флотом и был едва ли не самым могущественным из союзных городов. Он мог надеяться на деятельное вмешательство Персии; он обращался за помощью к Пелопоннесскому союзу, и еще счастье для афинян, что коринфяне высказались против вмешательства, отстаивая положение, что всякий имеет право наказывать отложившегося союзника, и таким образом не допустили пелопоннесцев оказать содействие Самосу. Движение распространялось и между другими союзниками. Примеру Самоса последовала важная по своему географическому положению Византия; ее восстание могло лишить Афины обладания проливами; в то же время и в Карийском округе многие города отложились от афинского союза. Словом, этому союзу, господству Афин на море, грозила опасность.

При известии о событиях на Самосе афиняне поспешили отправить к острову флот из 60 кораблей. Во главе его поставлен был Перикл. Самосцы в то время заняты были войной с Милетом. Узнав о приближении афинян, их флот поспешил возвратиться домой, но у острова Трагии встретился с афинским. Произошла битва, в которой, по свидетельству Фукидида и Плутарха, победили афиняне,

хотя флот был малочисленнее. Но, повидимому, самосцам после упорной битвы удалось прорваться сквозь ряды афинских кораблей и войти в Самосскую гавань, а афиняне заперли выход из нее. Получив из Афин подкрепление, а также от хиосцев и лесбосцев, Перикл высадился и, одолев сопротивление самосцев на суше, приступил к осаде города. Афиняне с трех сторон возвели стены и таким образом окружили город с суши, а с четвертой стороны — с моря — он заперт был их кораблями.

Между тем, пришла весть, что финикийский флот идет на выручку Самоса, и Перикл, предоставив пока дальнейшую осаду своим товарищам по команде, сам поспешил ему навстречу; но финикийский флот не показывался, а из-под Самоса пришла весть, что в отсутствие Перикла самосцы под предводительством своего вождя, философа Мелисса, внезапно напали на афинян, потопили сторожевые суда и в морской битве одержали победу. В течение целых 14 дней после этого они господствовали на море, ввозя и вывозя что угодно, и воспользовались этим, чтобы запастись провиантом. Тогда Перикл поспешил обратно к Самосу и снова запер город. Из Афин прибыли новые стратеги с большим подкреплением, Хиос и Лесбос с своей стороны прислали еще корабли, так что у Самоса афиняне сосредоточили огромный флот — до 200 судов. Самосцы, однако, не сдавались, и военные действия затянулись. Перикл не только голодом старался принудить Самос к

сдаче: с помощью искусного механика Артемона он устраивал новые усовершенствованные осадные орудия и ими громил стены Самоса. Наконец, окруженные со всех сторон, томимые голодом, не видя помощи, самосцы на девятый месяц осады сдались на капитуляцию (439 г.), обязавшись выдать свой флот, срыть стены, дать заложников и уплатить афинянам по частям, в несколько сроков котрибуцию. Вслед за Самосом покорилась и Византия; но отложившихся городов в Карийском округе афинянам не удалось возвратить.

Так кончилось самосское восстание, подавление которого потребовало со стороны Афин больших усилий. При торжественном погребении останков павших в бою воинов Периклу поручено было произнести речь согласно обычаю. Перикл сошел с кафедры, приветствуемый с восторгом, „увенчанный венками и повязками, как победоносный атлет". Но слышались голоса недовольных, противопоставлявших и тут ему Кимона, победы последнего над варварами победе Перикла над союзным и родственным, греческим городом, как бы забывая, что тому же Кимону приходилось покорять, например, Фасос.

Самосское восстание показало, что Афинский союз не незыблемо прочен. Пока силы Афин были свободны, пока не грозил им могущественный внешний враг, они могли справляться с движениями в среде союзников. Но вскоре наступили годы тяжелой, роковой для Афин и для всей Греции войны — войны Пелопоннесской.

VIII

Причины Пелопоннесской войны глубоко коренились в соперничестве Афин и Спарты, в том дуализме, который возник еще со времен Персидских войн, в противоположности двух союзов, Афинского и Пелопоннесского, в борьбе партий, демократической и аристократической, — из которых одна видела свою опору в Афинах, другая — в Спарте, — в столкновении торговых интересов Афин и Коринфа. Периклов мир 445 г. вопроса о гегемонии не решил и дуализма не устранил. Его могла устранить только окончательная победа той или другой стороны. А между тем, Афины и после 445 г. стояли наряду со Спартой. Благодаря Перикловой политике собирания сил, они казались даже более окрепшими, и их могущество вселяло опасения и зависть в Спарте. Но Спарта была медлительна и нерешительна в самой своей вражде. Иное дело Коринф. Афины являлись его счатливым конкуррентом на море и в торговле. Их морское и торговое преобладание затрагивало существенные, жизненные интересы Коринфа. Из Эгейского моря Коринф, можно сказать, был вытеснен; теперь афинское влияние распространялось и на западе от Эллады, а это грозило окончательным стеснением его торговли, отнятием последнего района, где преобладание было

пока еще за ним. При опасности с этой стороны Коринф готов был на все. Между тем, афиняне, вероятно, вскоре после Самосской войны вступили в союз с Акарнанией и отняли Амфилохский Аргос, на западе Эллады, у амбракиотов, т.-е. косвенным образом у коринфян (так как Амбракия некогда основана была Коринфом), а главное—вынуждены были вмешаться в столкновение между Коринфом и Керкирой (нын. Корфу).

Положение было таково, что достаточно было искры, чтобы вспыхнула ожесточенная война. А тут сразу явилось несколько важных поводов к ней.

Первым поводом послужили дела керкирские. Керкиряне, опасаясь, что не устоят в войне с Коринфом, обратились в Афины искать союза и помощи. Афинянам и прежде всего Периклу, как руководителю их политики, предстояло решить нелегкую задачу. До тех пор Керкира стояла вне всяких союзов. Поэтому принятие ее в Афинский союз формально не нарушало мирного договора 445 г., по которому города, не принадлежащие ни к тому, ни к другому союзу, могут по желанию присоединиться к любому из них. Но, ведь, Керкира находилась уже в войне с Коринфом и, следовательно, заключение с нею союза фактически являлось враждебным шагом по отношению к Коринфу. Кроме того, Керкира была коринфскою колонией, а помогая непокорной колонии против ее метрополии, афиняне являлись бы защитниками принципа, опасного для них

самих в виду их собственных союзников; они действовали бы совершенно противоположно тому, как действовали коринфяне еще недавно, во время Самосского восстания; они дурно отплатили бы им за то, что те отстояли тогда принцип невмешательства. С другой стороны, Перикл предвидел неизбежность войны со Спартой и ее союзниками. Как было упустить благоприятный случай заручиться таким ценным союзником, как Керкира, обладавшая сильнейшим после афинского флотом,—в 120 триэр, лежавшая на тогдашних путях из Греции в Италию и Сицилию, что для Афин имело немалое значение в виду их уже завязавшихся сношений с Западом? Вступив в союз с Керкирой, афиняне приобретали чрезвычайно важную позицию в Ионийском море. А главное, благоразумно ли было оставлять Керкиру без помощи и этим предавать ее в руки коринфян? Ведь, в таком случае, можно было опасаться, что Керкира, соперничавшая с Коринфом на море, падет в борьбе или смирится поневоле и в войне Пелопоннеса с Афинами соединит свой флот с коринфским.

Такова была дилемма, представшая пред афинским народным собранием, руководимым Периклом. Два раза созывалось это собрание для решения вопроса относительно союза с Керкирой. В первый раз решение было неблагоприятное для керкирян, но во второй раз, и именно под влиянием Перикла, как говорит Плутарх, народное собрание решило

вступить в союз с Керкирой, но для избежания открытого столкновения с Коринфом, — в союз лишь строго оборонительный, под условием взаимной помощи на случай нападения. Да и тут еще афиняне, для вящего доказательства своего миролюбия, остановились на полумере: на помощь Керкире сначала отправлено было только 10 кораблей с приказанием вступать в битву с коринфянами лишь в том случае, если те нападут на Керкиру или ее владения и предпримут высадку. Но такая полумера не предотвратила столкновения, и когда близ Керкиры, у Сиботских островов, произошло морское сражение между керкирянами и коринфянами, по количеству судов „величайшее из всех, бывших дотоле между эллинами“, то в ней под конец вынуждена была принять участие и небольшая эскадра афинян, а прибытие другой их эскадры помешало коринфянам довершить победу. Дело в том, что после отправки первых 10 кораблей у афинян явилось опасение, что такой эскадры недостаточно для защиты Керкиры, и Перикла, если верить Плутарху, даже упрекали за то, что была отправлена такая ничтожная помощь союзнику. Решено было послать еще 20 кораблей, которые и прибыли к месту назначения как раз в тот момент, когда коринфяне готовились возобновить сражение. Думая, что афинских судов больше, чем было их в действительности, коринфяне прекратили наступление.

Так, хотя и без объявления войны, последовало кровавое столкновение афинян с коринфянами (433/2).

Около того же времени, вероятно, в связи с керкирскими делами заключены были союзные договоры Афин с Регием (в южной Италии, у Мессинского пролива) и сицилийским городом Леонтинами. Сфера афинского влияния на Западе расширялась...

Вслед за тем, между афинянами и коринфянами произошло столкновение и в другом пункте, на фракийском побережье. Потидея, на полуострове Халкидике, колония Коринфа, но принадлежавшая к Афинскому союзу, отложилась от Афин (432 г.), когда те потребовали, чтобы она срыла стену, обращенную к морю, дала заложников и не принимала больше коринфских должностных лиц, „эпидемиургов". У ее стен произошла битва между коринфянами, поспешившими оказать ей поддержку, и афинянами, окончившаяся победою последних, которые после этого приступили к осаде Потидеи. И вот коринфяне употребляют все усилия, чтобы возжечь общую войну, втянуть в нее спартанцев.

Ко всему этому присоединились жалобы эгинян, обвинявших афинян в том, что они, вопреки договору, не предоставляют им автономии, и в особенности жалобы мегарян. Афиняне не могли простить Мегаре ее поведения по отношению к ним, ее перехода на сторону пелопоннесцев. Глубокая вражда разделяла двух соседей. А тут присоединились еще распри из-за укрывательства мегарянами беглых афинских рабов, из-за спорной пограничной земли и так называемого „священного поля", в присвоении и обра-

ботке которого афиняне обвиняли мегарян. По предложению Перикла, в Мегару и Спарту отправлен был герольд с жалобами по этому поводу. Но герольд был умерщвлен во время своего посольства, и в его смерти афиняне обвиняли мегарян. Тогда, по побуждению, вероятно, Перикла же, в народное собрание внесено было и принято предложение, по которому мегарянам объявлялась непримиримая вражда, афинский рынок и все гавани на всем пространстве афинского господства для них закрыты; если верить Плутарху, мегарянину, вступившему в Аттику, грозила смерть: никто из мегарян, как говорится у Аристофана, не смел „оставаться ни на рынке, ни в Аттике, ни на море, ни на земле". Гористая Мегарида была страна не плодородная, бедно наделенная природою; в хлебе она всегда нуждалась, и закрытие для нее рынка и афинских гаваней грозило ей голодом. Эта „мегарская псефизма", по мнению многих современников, была тою „маленькою искрою", которою Перикл зажег большую войну.

В Спарте война была решена. Но пелопоннесцы не были готовы к ней. И вот, чтобы выиграть время и, главное, чтобы, в случае отказа афинян, больше было предлога к войне, спартанцы отправляют в Афины посольства с различными требованиями и жалобами.

Обратимся теперь к Афинам и взглянем на положение там Перикла.

Было время, когда Перикл стоял во главе демократического движения. Он, однако, не пошел по пути

крайней демократии; он правил „умеренно“, как выражается Фукидид, в духе примирения интересов большинства с интересами общегосударственными; он старался ввести демократическое движение в определенные границы. Но в силу естественного исторического процесса движение это, результат всей предыдущей истории Афин, не могло остановиться: оно пошло далее, и уже незадолго до Пелопоннесской войны оказалось, что Перикл остался позади его, что существовала уже крайняя демократическая партия, которую Периклова политика уже не удовлетворяла. Напротив, именно в Перикле крайние демократы и новые демагоги уже видят главное препятствие к господству настоящего народовластия; с самым фактом непрерывного, долгого влияния его они не могут примириться. Таким образом, против Перикла подымается оппозиция снизу, из рядов тех общественных слоев, которые некогда служили ему опорой. А рядом существовала попрежнему и другая, совершенно противоположная партия — олигархическая, — по мнению которой, наоборот, Перикл зашел уж слишком далеко; в глазах ее он являлся душой ненавистной демократии, главным препятствием к ее низвержению, к восстановлению прежней аристократии. Обе эти крайние партии, столь непримиримо враждебные друг другу по своим программам и стремлениям, сходились, однако, в одном — во вражде и ненависти к Периклу, в желании избавиться от этого человека, мешавшему как тем, так и другим.

Они готовы были протянуть друг другу руки, соединить свои силы, лишь бы низвергнуть Перикла.

Было еще одно течение, иного рода, но тоже враждебное Периклу. Многим ненавистно было то новое просвещение, представителями которого являлись философы, как Анаксагор, с его учением о разуме, и софисты. Между этим новым просвещением и старыми верованиями, воззрениями, предрассудками столкновение было неминуемо. Глубокую противоположность этих двух мировоззрений наглядно рисует известный рассказ у Плутарха о том, как однажды принесли Периклу из имения голову барана с одним рогом посредине, как Лампон усматривал в этом предзнаменование торжества Перикла над тогдашним его соперником, Фукидидом Алопекским, и перехода власти в одни руки, а Анаксагор, разрубив голову, объяснил это явление естественными причинами. Сам Лампон, правда, был хорош с Периклом и принадлежал к числу близких к нему лиц; но были другие вещатели, хресмологи и т. под., которым Перикл был ненавистен, как покровитель нового просвещения, как друг Анаксагора и вообще представителей тогдашней философии. Они находили себе опору в невежестве и суеверии темной массы, не терпевшей исследователей природы, и в более образованной, но консервативной части афинского населения, движимой не одною только склонностью к предрассудкам, слепою привязанностью к прежним верованиям и обычаям предков,

но и искренним опасением в виду учения софистов, подрывавшего основы тогдашней нравственности. Эта партия религиозной реакции, если только ее можно так назвать, являлась как бы связующим звеном между партиями демократической и олигархической: она соприкасалась и с тою, и с другою.

Оппозиция Периклу выражалась прежде всего в нападках на него комиков. Нападки эти и насмешки сыпались на него, впрочем, еще и в пору наибольшего его влияния. Перикла комики называли, например, „величайшим тиранном“, „порождением Смуты и Кроноса“; смеялись над его наружностью, над формой его головы; касались частной его жизни, отношений к Аспазии, которую именовали „Герой“, „Новой Омфалой“, „Деянирой“, которую выставляли виновницею Самосской войны, а затем и Мегарской псефизмы. Вообще, свобода комедии в личных нападках дошла до того, что в 440 г., во время восстания Самоса, запрещено было выводить на сцену лиц под их именами, в виду возбужденного состояния общества и опасения, чтобы не пал престиж афинян в глазах союзников. Но такое ограничение свободы комедии существовало недолго и через три года было отменено.

Явным признаком усилившейся оппозиции против Перикла и того, что положение его начинало уже колебаться, обыкновенно считают ряд процессов, которые подняты были против близких к нему лиц. В процессах этих видят косвенное нападение на

самого Перикла, прежде всего—в процессе Фидия [1]), который был его правою рукою в деле украшения Афин,—Перикл тем более мог быть здесь затронут, что он заведывал постройками, затем—в гонении на Анаксагора. Некто Диопейф, хресмолог и прорицатель, выступил в народном собрании с псефизмой, по которой, кто не признавал богов или рассуждал о небесных явлениях, тот подвергался обвинению в государственном преступлении. Псефизма была принята. Она, очевидно, имела в виду Анаксагора, который считал солнце и звезды раскаленными каменными массами, вообще, стремился объяснять всякие явления причинами естественными, и Анаксагору пришлось покинуть Афины. Рассказывают, что гонению подверглось и то лицо, которое было так дорого Периклу,—Аспазия: против нее выступил комический поэт Гермипп с обвинением будто бы в нечестии и, сверх того, в сводничестве, в том, что она устраи-

[1]) Не так давно найден папирус, содержащий отрывок из хроники Аполлодора и касающийся процесса Фидия. Оказывается, что из мастерской Фидия похищаема была слоновая кость, полученная из Нубии для статуи Афины, и Фидий обвинен был в небрежном хранении дорогого материала. Жители Элиды, заинтересованные в создании Фидием статуи Зевса в Олимпии, добились его освобождения, представив залог в 40 тал. Процесс этот относится к 438—7 г. Есть версия, что Фидий обвинен был в кощунстве за то, что будто бы изобразил Перикла и себя в числе фигур на щите статуи Афины. Некоторые этот процесс относят к 432/1 г. и полагают, что было два процесса Фидия.

вает любовные свидания Перикла с свободными афинянками. На суде, говорят, Перикл проливал даже слезы, умоляя судей об оправдании своей подруги, и Аспазия была оправдана. Впрочем, есть сомнения в достоверности этого рассказа, носящего несколько анекдотический характер.

Перикл чувствовал, как положение его начинает колебаться: с разных и притом противоположных сторон подымалась оппозиция и все с большим и большим трудом приходилось ему отражать ее удары, пока еще косвенные. Перикл, естественно, должен был желать выхода из такого положения, и таким выходом могла казаться ему война. Он мог надеяться, что великие события заставят умолкнуть мелкие интриги и раздоры внутри, что внешняя опасность отвлечет внимание граждан от внутренней борьбы, заставит партии сплотиться, что тогда более будет ощущаться надобность в нем, в Перикле. Он видел в войне, так сказать, спасительный громоотвод, а борьбу со Спартой считал и без того неизбежной. Отсюда, конечно, далеко до утверждения, будто и самая Пелопоннесская война была вызвана Периклом из личных, эгоистических рассчетов: события, подобные этой войне, нельзя объяснять случайными влияниями, мелочными, личными причинами. Но к могущественным, общим, коренным причинам могли присоединиться и личные мотивы Перикла: прежде он старался избегать войны и даже, как говорят, ежегодно посылал в Спарту известную

сумму денег для подкупа эфоров, для поддержания мира; теперь он уже не уклоняется от борьбы с Пелопоннесом; он идет навстречу ей, убежденный все равно в ее неизбежности и считая дальнейшее уклонение от нее несогласным ни с достоинством Афин, ни с своими личными интересами.

Таково было положение Перикла в Афинах, когда спартанцы, решив уже войну, чтобы выиграть время и найти побольше предлогов к ней, отправляют посольства к афинянам с различными требованиями.

Прежде всего лакедемоняне потребовали от афинян изгнания лиц, запятнанных кощунством, разумея то кощунство, которое некогда совершено было в Афинах при подавлении Килонова восстания и виновниками которого, между прочим, являлись Алкмеониды; от них же вел свой род по матери Перикл. Таким образом требование спартанцев было направлено, в сущности, против него. Рассчет был тот, что или афиняне исполнят это требование (в чем спартанцы, однако, сомневались), и тогда легче будет справиться с Афинами, или же афиняне откажут, и тогда авторитет Перикла будет поколеблен: он явится как бы виною войны со всеми ее тягостями. Но, если верить Плутарху, результат был противоположный: требование Спарты лишь увеличило доверие граждан к Периклу и подняло его авторитет: ненависть и боязнь врага служила лучшим свидетельством в пользу руководителя Афинского государства. В ответ спартанцам афиняне, в свою очередь,

потребовали от них, чтобы они очистились от кощунства, совершенного в Тенарском святилище Посейдона, где были умерщвлены искавшие там убежища илоты, и от кощунства, совершенного некогда в храме Афины, где был заперт царь Павсаний и откуда он был вытащен при последнем издыхании.

Затем является из Спарты новое посольство с требованием снять осаду с Потидеи, предоставить независимость Эгине, отменить постановление, касавшееся Мегары. На этом последнем пункте спартанцы особенно настаивали. Но афиняне оставались глухи к таким требованиям. Наконец, спартанцы отправляют в Афины трех послов и заявляют, что они желают мира и он будет, если афиняне возвратят независимость эллинам, всем своим союзникам. Со стороны Спарты это был ловкий шаг: таким требованием она располагала к себе большинство греков, выступала в благодарной роли защитницы эллинской свободы от „тирании" Афин.

В Афинах созвано было народное собрание. Мнения разделились. Одни говорили в пользу войны, другие—в пользу мира, настаивая на отмене „Мегарской псефизмы", как мелочи, из-за которой не стоило воевать. Ясно обозначилось два течения: с одной стороны — земледельцы и люди с состоянием, с другой—городское население, особенно менее состоятельное. Первым война, вторжение врага, опустошение страны грозили разорением, бременем новых

тягостей и повинностей. Естественно, что они стояли за мир. Иное дело—городской, менее состоятельный класс: новыми повинностями ему война не грозила; от вторжения неприятеля ему меньше приходилось терять; за крепкими городскими стенами он чувствовал себя в сравнительной безопасности; взамен мирных заработков, которые могли уменьшаться вследствие нарушения обычного хода торговой и промышленной деятельности, для него являлся новый источник—военная служба, особенно во флоте. Словом, городской демос скорее решался на войну. В народном собрании многие выступали с речами. Выступил и сам Перикл, „первый из афинян своего времени, муж, сильный словом и делом", как выражается о нем здесь Фукидид.

Не делать уступок,—таково было мнение Перикла. Этого требует честь и достоинство Афинского государства, говорил он, судя по изложению Фукидида. Он считал оскорблением, что спартанские послы являются в Афины уже не с жалобами, а как бы с приказаниями. Отмена Мегарской псефизмы вовсе не мелочь: в глазах Перикла уступка здесь равносильна рабству; уступить—это значит заранее подчиниться всецело Спарте, не потерпев еще поражения. Требование лакедемонян относительно Мегары—лишь предлог: спартанцы желают испытать твердость афинян. Война неизбежна: раз афиняне уступят, спартанцы объяснят это страхом с их стороны и предъявят новые, еще более тяжелые тре-

бования. Тут скорее поможет твердый, смелый отказ; по крайней мере, он заставит спартанцев относиться к афинянам, как к равным; чем охотнее Афины примут брошенный им вызов, тем менее будут налегать на них враги. Для них это — прекрасный случай показать твердость. Затем Перикл старался поднять дух граждан, внушить им уверенность, что на их стороне на победу нисколько не меньше шансов, чем на стороне противников. Он выставлял на вид преимущества Афин в сравнении с пелопоннесцами; он указывал на отсутствие у последних строгой централизации в союзном устройстве, последствием чего должна быть разноголосица и медленность в исполнении решений, на стремление каждого сваливать побольше на другого, на недостаток флота и денежных средств у них, на невозможность в скором времени устранить этот недостаток и приобрести необходимую в морском деле опытность. Опустошения Аттики, говорил Перикл, не страшны: за них афиняне с своим флотом могут мстить опустошением Пелопоннеса, что̀ причинит неприятелю несравненно бо́льший вред, так как для него Пелопоннес — все, а у афинян, кроме Аттики, много еще других владений, особенно островов: их сила на море. Перикл больше опасался собственных ошибок афинян, их увлечения рискованными предприятиями, стремления к новым завоеваниям среди войны. В заключение он предложил дать такой ответ спартанцам: мегарянам афиняне позволят пользоваться рынком и гаванями,

если лакедемоняне не будут производить „ксенеласии“ (изгнания иноземцев) по отношению к афинянам и их союзникам; союзным городам афиняне предоставят независимость, если те были автономными, когда заключался договор, и если спартанцы своим городам предоставят управляться каждому, как кто хочет, а не так, как это выгодно лакедемонянам; афиняне готовы предоставить дело суду, согласно условию договора; войны сами не начнут, но с тем, кто ее начнет, будут сражаться. Такой ответ Перикл находил справедливым и вместе с тем вполне достойным Афин. Такой ответ и дали афиняне спартанцам, заявив, что они готовы, согласно уговору, решить спор судом равным.

На этом кончились переговоры между Афинами и Спартой. Война была неминуема, и обе стороны готовились к ней, стараясь заручиться союзниками. Почти вся Греция разделилась на два лагеря: одни держали сторону Афин, другие — Спарты. Обе стороны искали себе союзников и между варварами: Спарта думала о союзе с Персией, афиняне — о союзе с фракийскими племенами. Взаимная ненависть первенствующих государств Греции заглушала чувства национального единства. Силы обоих союзов, в общем, можно сказать, были равны, хотя и не однородны. На море бесспорное преобладание принадлежало Афинам, на суше — пелопоннесцам. Афинский флот был тогда первый в Греции не только по числу кораблей, но и по энергии, опытности и искусству

моряков. Зато сухопутное спартанское войско превосходило войско афинян и численностью своею, и упрочившеюся за ним славою непобедимости. На стороне Спарты была и Беотия с ее конницею. Что касается денежных средств, этого главного „нерва войны", как отлично сознавали уже тогдашние греки, то пелопоннесцы были ими бедны. Афиняне же, кроме ежегодного фороса и других доходов, располагали, как мы видели, богатою по тому времени казною в 6000 тал., а в случае крайности могли воспользоваться заимообразно сокровищами, хранившимися в акрополе, в Парфеноне и в других святилищах. Богатство денежных средств давало Афинам большие преимущества на первых порах; но зато война им стоила дороже, нежели пелопоннесцам, с их, так сказать, натуральным способом ведения ее и доставкой всего большею частью натурой. Благодаря олигархическому строю, Спарта имела возможность действовать втайне, с большею последовательностью и с бо́льшим благоразумием. Наоборот, афинская демократия, с своим народным собранием, действовала на виду у всех; все, что̀ в Афинах обсуждалось и одобрялось, легко делалось тотчас же известным и врагам. Афинский демос не всегда был последователен; изменчивый и увлекающийся, он мог быстро переходить от одного решения к другому. Зато и способен он был на такое воодушевление, на такой подъем духа и на такие жертвы, на какие вряд ли была способна тогдашняя олигар-

хическая Спарта. В Афинском союзе было больше централизации, зато в Пелопоннесском — больше солидарности, больше общности интересов между главою союза и остальными его членами. Но и у Спарты была своя Ахиллесова пята, свое слабое место; это — Мессения, с ее порабощенным населением, столь ненавидевшим своих победителей. На стороне Спарты был дельфийский оракул, обещавший ей победу и помощь божества, и еще один важный союзник: это — общественное мнение тогдашней Эллады, решительно склонявшееся в ее пользу. Афинянам завидовали, их опасались, желали избавиться от их владычества, казавшегося столь тяжелым, и, не испытав еще господства Спарты, верили ее заявлению, что она берется за оружие для освобождения эллинов от „тираннии“ Афин.

Вообще, Греция находилась тогда в напряженном ожидании, в виду готовившегося решительного столкновения двух первенствующих государств. Чувствовалось приближение великих, роковых событий. И только молодежь, как афинская, так и пелопоннесская, еще не изведавшая по собственному опыту всех ужасов войны, с радостью принималась за нее, ища поприща для своих юных сил...

IX

Мир был открыто нарушен внезапным ночным нападением союзников Спарты, фиванцев, на беотийский город Платеи, верного союзника Афин (весною

431 г.), с чего и принято считать начало Пелопоннесской войны (431—404).

Сборным пунктом для спартанских союзников назначен был Истм, Коринфский перешеек. Здесь собралось две трети их сил под начальством спартанского царя Архидама. Прежде, чем двинуться к пределам Аттики, Архидам попытался еще раз вступить в переговоры с афинянами в надежде, не сделаются ли они уступчивее теперь, в виду готовящегося вторжения к ним неприятеля. Но в Афинах по настоянию Перикла заранее было решено не принимать от лакедемонян никакого посольства или герольда, раз те выступят в поход. Посла от Архидама, Мелесиппа, афиняне не впустили даже к себе в город, приказав ему в тот же день покинуть их пределы и заявив, что если спартанцы пожелают вступить с ними в переговоры, то пусть прежде возвратятся в свои владения. Чтобы спартанский посол ни с кем не сносился, афиняне выслали его с провожатыми. Покидая границы Аттики, Мелесипп, говорят, произнес: „День этот—начало великих бедствий для эллинов“.—Архидам стал медленно приближаться к пределам Аттики.

В виду наступления неприятеля, Перикл, стоявший тогда во главе коллегии стратегов и облеченный особыми полномочиями, принял свои меры. По его плану, на суше в открытую битву с подавляющим по своей численности пелопоннесским войском ни за что не следовало вступать: это значило бы

лишь бесплодно губить афинские силы и подвергать риску государство. На суше следовало ограничиться защитой города и „Длинных стен", главные же силы сосредоточить на море, снарядить флот и с помощью его опустошать берега Пелопоннесса, производить там высадки и т. д. Сельское население Аттики должно было покинуть свои поля и жилища, перейти в город, снести туда имущество и запереться; почти вся страна, за исключением Афин, „Длинных стен" и Пирея, должна была быть оставлена на произвол врага. Перикл опасался, что Архидам, связанный с ним узами гостеприимства, опустошая Аттику, оставит нетронутыми его имения или из личного расположения к нему, или с тем, чтобы возбудить против него неудовольствие и недоверие остальных пострадавших граждан. Поэтому Перикл заранее объявил, что если его имения избегнут общей участи, будут пощажены неприятелем, то он уступает их государству и тем снимает с себя всякое подозрение.

Как ни тяжело было для жителей Аттики, они последовали совету Перикла и принесли требуемые от них жертвы. Скот отправили они на Евбею и на другие соседние острова, а сами с женами и детьми стали переселяться в город, забрав с собою коекакое имущество, хозяйственную утварь, иногда и лес от разобранных ими самими построек. С невыразимо тяжелым чувством расставались они с родными полями, со своими жилищами и хозяйством, тем более, что большинство афинян привыкло жить

вне города, и теперь им вдруг приходилось совершенно менять свой образ жизни. В Афинах лишь для немногих хватило жилищ. Некоторые нашли приют у друзей и родственников. Но большинству пришлось поместиться под открытым небом, на пустых, незастроенных местах города или же в храмах и святилищах, за исключением акрополя и Элевсиния да некоторых других, оказавшихся запертыми. Занят был теперь даже лежавший у подошвы акрополя так называемый Пеласгик, несмотря на грозившее за это проклятие. Многие разместились в башнях городских стен, где и как кто мог. Город не мог всех вместить; поэтому переселенцами заняты были пространство между „Длинными стенами" и большая часть Пирея.

Архидам, вступив в пределы Аттики, расположился почти в виду Афин, в Ахарнах, опустошая отсюда соседние местности. Он старался выманить афинян из города и завлечь в сражение, надеясь, что те не станут хладнокровно смотреть на разорение своей страны, тем более, что ахарняне, в деме которых неприятель расположился лагерем, составляли наиболее значительную часть афинской тяжело вооруженной пехоты.

И действительно, при виде неприятельского войска и беспрепятственно производимых им опустошений, афинянами овладевало раздражение и нетерпение. Особенно молодежь порывалась выйти навстречу врагу. На улицах стали собираться сходки; шли толки о том, следует ли выступать против непри-

теля или нет. На Перикла негодовали. В нем видели главного виновника войны; его упрекали за то, что он не ведет войска в открытый бой с пелопоннесцами. Особенно раздражены были ахарняне, дем которых больше других страдал от неприятеля, — смелые, грубые угольщики, „сильные, крепкие, словно дуб, старики, истые марафонские воины“, как характеризует их Аристофан. Тогда впервые стал выдвигаться Клеон; именно он с особенною горячностью нападал на Перикла и этим приобретал влияние на массу, создавая себе популярность. Комики осыпали Перикла насмешками. Гермипп называл его „царем сатиров“ и спрашивал, „почему он не подымает копья, храбро говорит о войне, а на деле оказывается одаренным душою труса?“ Но среди волнения и негодования граждан, нападок и насмешек, Перикл оставался попрежнему непоколебимо твердым. Подобно кормчему, который на море при наступлении бури, все устроив, как следует, и спустив паруса, поступает по правилам своего искусства, не обращая внимания на слезы и мольбы страдающих морскою болезнью и испуганных пассажиров, так и Перикл, — говорит Плутарх, — заперев город и расставив везде охрану, держался своего плана, пренебрегая криком и недовольством граждан. Пользуясь властью стратега, он не допускал созвания народного собрания, опасаясь, что там таинственное настроение и чувство раздражения возьмет у граждан верх над благоразумием. Он ограничивался тем, что

высылал беспрестанно конницу, чтобы не подпускать неприятеля слишком близко к городу и опустошать его окрестности, и дело не пошло далее стычки афинской и фессалийской конницы с беотийскою.

Видя, что все усилия завлечь афинян в решительную битву напрасны, Архидам покинул стоянку в Ахарнах, а затем и вообще Аттику, тем более, что самому Пелопоннесу грозила опасность со стороны афинского флота, так как афиняне предприняли морскую экспедицию к его берегам и к западной Греции. По отступлении неприятеля они постановили отделить на будущее время из хранившейся в акрополе казны 1000 тал., как неприкосновенный фонд, который мог быть употреблен лишь в крайности, когда опасность будет угрожать самим Афинам при нападении неприятеля с флотом, и смертная казнь грозила тому, кто предложит употребить эти деньги на что-либо иное. Затем для той же цели — для защиты города — решено было ежегодно отделять 100 лучших триэр.

В числе афинских врагов, подстрекавших Спарту к войне, были эгиняне. Теперь афиняне решились отмстить им за это и окончательно завладеть их островом, тем более, что Эгина находилась как раз у входа в афинскую гавань и была для Пирея, по выражению Перикла, „бельмом на глазу“. Притом Перикл искал средств вознаградить потерпевших от неприятельского вторжения граждан, успокоить их раздражение, вернуть прежнее народное расположение к себе. И вот все жители Эгины были изгнаны

вместе с женами и детьми, а на остров отправлены афинские поселенцы.

Кара, хотя и не такая, постигла и другого ненавистного афинянам врага — Мегару. В конце лета 431 г. афиняне со всеми своими силами под личным начальством Перикла произвели вторжение в Мегариду. В это же время афинский флот, плававший у берегов Пелопоннеса, возвращался домой и находился у Эгины. Бывшие тут афиняне, узнав о вторжении своих соотечественников в Мегарскую область, соединились с ними. Под начальством Перикла собралось таким образом 10000 гоплитов из граждан, 3000 из метэков и соответствующее число легковооруженных. Войско это, опустошив большую часть страны, возвратилось домой.

Первый год войны закончился торжественным, согласно обычаю, погребением останков афинских воинов, павших в бою с неприятелем. Для произнесения речи над этими первыми жертвами войны избран был Перикл. Это — та знаменитая речь, которая представляет яркую характеристику светлых сторон афинской демократии, и которую воспроизводит Фукидид (II, 35 сл.). Вместо прославления тех лиц, которые пали в бою, Перикл прославляет то государство, за которое они пожертвовали собой. Трудно выделить в этой речи то, что̀ действительно было сказано Периклом, и что̀ составляет композицию историка. Основные мысли могут быть Перикла; это — тот идеал, который его одушевлял и к осу-

ществлению которого он стремился; но форма и подробности, вероятно, принадлежат историку. Пред нами тут апофеоз Афин как раз накануне великих, роковых бедствий, постигших их вслед затем, и упадка. Здесь пред нами скорее идеал, нежели точное изображение действительности. „Мы пользуемся государственным строем, который не стремится подражать законам соседей, но сам служит образцом и предметом подражания для других“, говорит здесь Перикл у Фукидида. „Называется он демократией, так как основывается не на меньшинстве, а на большинстве. По законам в частных делах у нас у всех равные права; что же касается значения, то каждый, если он в чем-либо славится, пользуется в государственной деятельности бо́льшим почетом не в силу принадлежности к известному классу, а по доблести. Даже бедняку невидность положения не препятствует оказывать услуги государству, если он на это способен. Мы свободно правим государством и мы не питаем ни подозрительности друг к другу в повседневной жизни, ни гнева против соседа, если он в чем-либо дает себе волю, ни досады, которая не причиняет вреда, но на которую все же тяжко смотреть. Непринужденно обращаясь друг с другом в частных сношениях, мы в общественных делах не нарушаем закона больше всего из благоговейного страха, повинуемся существующим властям и законам, в особенности тем из них, которые установлены в защиту обижаемых и которые, не будучи писан-

ными, навлекают, однако, на нарушителя позор в общественном мнении. Для духа мы доставляем частый отдых от трудов состязаниями и жертвоприношениями, следующими одно за другим в течение целого года... Мы любим прекрасное, соединенное с простотой, любим образование без изнеженности. Богатством мы пользуемся больше, как средством для деятельности, нежели, как предметом для хвастовства, и в бедности сознаться у нас не постыдно; постыднее не выбиваться из нее трудом. Одни и те же лица у нас соединяют заботу о домашних и вместе о государственных делах, и у обратившихся к другим занятиям нет недостатка в знании политики. Только мы одни считаем не свободным от занятий и трудов, а бесполезным того, кто не принимает участия в государственной деятельности. И сами мы или решаем, или взвешиваем правильно дела, не считая слова вредом для дела, но полагая, что больше вреда не посоветоваться предварительно, прежде чем приступить к исполнению... Словом, весь город наш—школа Эллады, и в отдельности каждый у нас, кажется мне, может в самых разнообразных видах деятельности представить собою личность самодовлеющую, исполняющую все в высшей степени искусно и с грацией“...

Первый год войны кончился без существенных результатов. Дело, в сущности, ограничилось взаимными опустошениями. На следующий год (430) пелопоннесцы под начальством Архидама опять вторг-

лись в Аттику. Но в то время, как внешний враг находился у ворот города, в самых Афинах свирепствовало страшное бедствие — эпидемия, занесенная на кораблях из восточных стран. Теснота, скопление населения, перемена образа жизни и угнетенное настроение народа, все это способствовало развитию болезни, и ужасное зрелище представляли тогда Афины. Болезнь пожирала свои жертвы, и не было средств бороться с нею. Больных даже близкие покидали на произвол судьбы. Дома опустели. Умирающие и полуживые лежали или ползали по улицам и особенно у колодцев, томимые нестерпимою жаждою. Тут же, на улицах, валялись трупы умерших, служа нередко добычей птицам и собакам. Святилища и храмы, где поместились беженцы, тоже полны были трупов. Болезнь продолжалась с небольшим перерывом три года, и ни от чего так не потерпели афиняне, как от болезни, замечает Фукидид. Она не только уносила их лучшие силы; она, кроме того, действовала разлагающим образом на общество, вызывала упадок духа, отчаяние, апатию или разнузданность и стремление насладиться жизнью, пока не наступила неминуемая смерть; семейные и общественные узы ослабели...

При таких условиях вести войну было нелегко. Перикл, однако, попрежнему твердо держался принятого им плана: на суше навстречу неприятелю не выступал, а, несмотря на эпидемию, снаряжал флот для нападения на Пелопоннес. Архидам находился еще в Аттике, когда Перикл вышел в море со 100

триэрами, 4000 гоплитов и 300 всадников, посаженных на особые транспортные суда, переделанные из старых кораблей. К афинянам присоединились 50 хиосских и лесбосских судов. Но эта экспедиция ограничилась опустошением окрестностей Эпидавра и побережья, взятием и разорением Прасий, приморского городка Лаконии, после чего Перикл возвратился в Афины. Тем временем Архидам, в виду Перикловой экспедиции и особенно в виду эпидемии, покинул уже Аттику.

Настроение афинян было подавленное. Они негодовали на Перикла, винили его во всех несчастиях и готовы были просить у спартанцев мира. Но все их попытки в этом направлении оказались тщетными: посольства в Спарту ни к чему не приводили. Тогда Перикл созвал народное собрание и обратился к нему с речью, в которой, укоряя граждан за их малодушие, старался оправдать свое поведение, поднять упавший дух афинян, советовал им не поддаваться несчастиям, ради блага государства забыть личное горе и прекратить переговоры со Спартой о мире. Афиняне последовали совету Перикла. Тем не менее, недовольство не исчезло: против Перикла соединились и демос, и аристократы. Он был смещен и предан суду. Вероятно, к этому моменту относится сообщение Плутарха, приуроченное им еще ко времени до Пелопоннесской войны. По словам Плутарха, Драконтий выступил с предложением, чтобы Перикл представил отчет пританам в употреблении казенных

денег, чтобы суд над ними происходил в акрополе и судьи подавали голос, беря камешек с алтаря. Это была необычная, особо торжественная форма суда. По предложению Гагнона она была видоизменена в том отношении, что суд должен был происходить пред 1500 дикастов, захочет ли кто выставить против Перикла обвинение в хищении и взяточничестве или просто в неправильных действиях. Во всяком случае, обвинение против Перикла было тяжкое: есть известие, что дело шло о его жизни и смерти. Процесс кончился присуждением Перикла к денежному штрафу в 50 тал. По всей вероятности, его отчеты в употреблении денежных сумм, которыми он распоряжался, признаны были неудовлетворительными.

Итак, после государственной деятельности в течение целого ряда лет, Перикл теперь должен был возвратиться к частной жизни. Но и тут он не мог найти утешения: его удручало и семейное горе; удар следовал за ударом, одна потеря за другою. Умерли старший сын его, Ксанфипп, сестра, многие родственники и друзья, его помощники на поприще государственной деятельности; умер и последний из законных его сыновей, Парал. Дотоле твердый, не терявший спокойствия, Перикл теперь, говорят, не выдержал и, возлагая венок на чело мертвого сына, он зарыдал в первый раз в жизни.

Между тем, негодование афинян на Перикла начало утихать. Оказалось, что без него дела шли еще хуже, и народ стал желать возвращения к

общественной деятельности того, кто столько лет правил государством. Семейное горе Перикла, в свою очередь, возбуждало участие к нему, примиряло с ним. И вот Перикла снова избирают в стратеги и облекают полномочиями. Так как у него оставался только один сын — от Аспазии, — по имени тоже Перикл, который, происходя от матери-не афинянки, не считался полноправным гражданином, то теперь народ уступил просьбе отца, и имя молодого Перикла внесено было в список граждан.

Но если Перикл и был избран опять в стратеги, то все же прежний авторитет и обаяние к нему не вернулись. Да и жил он после этого недолго. Болезнь медленно подтачивала его силы, и осенью 429 г. Перикла не стало.

X

Величайший историк древности, Фукидид, называет Перикла „первым из афинян своего времени, сильным словом и делом“ (I, 139), и дает такую характеристику его, как вождя афинского демоса (II, 65): „Стоя во главе государства в мирное время, он правил умеренно и охранял его безопасность. Афины достигли при нем высшего могущества. Когда же настала война, то и тут оказалось, что он знал наперед ее значение... А когда умер Перикл, то еще более обнаружилась его прозорливость относительно этой войны. Ибо он утверждал, что афиняне останутся победителями, если будут держать себя спо-

койно, если будут заботиться о флоте, не будут стремиться к расширению своего владычества во время самой войны и подвергать государство риску. Афиняне же поступили во всем как раз наоборот... Перикл, сильный нравственным достоинством и умом и явно неподкупный в высшей степени, свободно правил массой, и не столько она руководила им, сколько он ею, потому что он приобрел власть, не прибегая к недостойным средствам, и не имел вследствие этого нужды льстить толпе, но, пользуясь уважением, мог и резко противоречить ей. Так, когда он видел, что афиняне не вó-время смелы, он своими речами пробуждал в них страх, и наоборот, — видя их падающими духом без основания, он внушал им смелость. По имени это была демократия, на деле же — правление первого гражданина".

Характеристику эту еще Нибур назвал памятником, воздвигнутым знаменитым историком знаменитому государственному человеку Афин, а один из знатоков Фукидида — называл „непреходящим свидетельством". Но были еще в древности другие отзывы о Перикле. Авторы комедий, как мы видели, осыпали его нападками и насмешками. Платон в „Горгии" не считает Перикла хорошим государственным деятелем и, говоря, что он испортил афинян, повидимому, соглашается с обвинениями Перикла в том, что будто бы он „сделал афинян празднолюбивыми, трусливыми, болтливыми и жадными до жалованья, впервые введенного им"; он ставит Периклу в вину

даже то, что афиняне осмелились обвинять его в расхищении казны. Ораторское дарование Перикла, величие и силу его слова, признают, однако, и Платон, и комики. Аристотель в своей „Афинской Политии“ отводит Периклу слишком скромное место: деятель, которого Фукидид окружил таким ореолом и с именем которого у нас связывается представление о блестящей поре Афин, у Аристотеля является довольно бледною личностью. У Плутарха, несмотря на то, что он приводит и отрицательные отзывы о Перикле, в общем, в конце концов, последний оказывается великим государственным человеком, образцом мудрости и доблести.

В новое время преобладают хвалебные отзывы о Перикле. Его осыпали похвалами, часто чрезмерными и высопарными. Но в 80-х годах прошлого века высказан был иной взгляд на Перикла: его старались развенчать, свести с того пьедестала, на который его возвел еще Фукидид, показать его несостоятельность, как политика и полководца; в его деятельности видели сплошной ряд ошибок; его выставляли посредственностью, почти бездарностью, виновником последующего упадка Афин, неудачного исхода Пелопоннесской войны, не говоря уже о том, что его изображали истым демагогом. И это было не единичное мнение с претензией на оригинальность, а целое течение, представленное более или менее известными учеными — М. Дункером, Пфлугк-Гарттунгом, Ю. Шварцом, отчасти Белохом, — с мне-

нием которых, во всяком случае, надо было считаться. Несмотря на отдельные верные замечания, взгляд этот, однако, в общем, не выдерживает критики [1]): в нем слишком много произвольного, субъективного, пристрастного. Он придает слишком большое значение отдельной личности и ставит Периклу в вину то, что̀, в сущности, являлось естественным, логическим следствием целого предшествовавшего процесса. Афинская демократия, с ее темными и светлыми сторонами, слагалась исторически, была национальным созданием афинского народа, плодом работы целых поколений. Перикловы реформы — лишь один из моментов, эпизодов в последовательном, органическом развитии государственного строя Афин. Особенным новатором Перикл не был. Он не был тем реформатором, который пролагает совершенно новые пути. Он явился лишь продолжателем и завершителем дела Клисфена, Фемистокла и Эфиальта. Даже в столь блестящей строительной деятельности Перикл имел предшественников, в том числе Кимона, которого в этом отношении никак нельзя противополагать ему.

И все-таки Перикл — один из величественных образов в греческой истории, не военный гений, но опытный и благоразумный полководец, даровитый и многосторонний государственный деятель, один из лучших типов эллина.

---

[1]) Подробный разбор его — в моей книге: „Перикл“. Харьков, 1889.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОБРАЗЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

С. И. ТХОРЖЕВСКИЙ — Стенька Разин.
М. Д. ПРИСЕЛКОВ — Нестор Летописец.
Н. И. КАРЕЕВ — Карлейль.
А. И. ХОМЕНТОВСКАЯ — Кастильоне.
В. А. НИКОЛЬСКИЙ — Суриков.
В. П. БУЗЕСКУЛ — Перикл.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Д. П. КОНЧАЛОВСКИЙ — Аннибал.
Т. Н. АНЦИФЕРОВА — Юрий Крижанич.
И. М. ГРЕВС — Данте.
Д. Н. ЕГОРОВ — Шлиман.

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

Н. П. АНЦИФЕРОВ — Мадзини.
АЛЕКСАНДР БЕНУА — Мольер.
М. М. БОГОСЛОВСКИЙ — Петр Великий.
Н. В. БОЛДЫРЕВ — Бенжамен Констан.
А. ГВОЗДЕВ — Казанова.
А. А. ГИЗЕТТИ — Шелли.
А. К. ГОРНФЕЛЬД — Аксаков.
Л. П. ГРОССМАН — Достоевский.
О. А. ДОБИАШ-РОЖДЕСТВЕНСКАЯ —
Людовик IX.
Ричард Львиное Сердце.

Н. И. КАРЕЕВ — Дантон.
А. А. КОНСТАНТИНОВА — Лоренцо Гиберти.
Д. П. КОНЧАЛОВСКИЙ — Катон Старший.
А. А. КОРНИЛОВ — Бакунин.
Б. А. КРЖЕВСКИЙ — Расин.
" Сервантес.
К. В. КУДРЯШЕВ — Платон Зубов.
Д. А. ЛЕВИН — Вольтер.
П. П. МУРАТОВ — Лоренцо Бернини.
С. Ф. ПЛАТОНОВ — Иван Грозный.
А. Е. ПРЕСНЯКОВ — Александр I.
" Сперанский.
" Николай I.
Б. А. РОМАНОВ — Граф Витте.
А. А. СМИРНОВ — Кальдерон.
Е. В. ТАРЛЕ — Наполеон.
" Бисмарк.
С. И. ТХОРЖЕВСКИЙ — Емельян Пугачев.
Г. П. ФЕДОТОВ — Абеляр.
А. И. ХОМЕНТОВСКАЯ — Лоренцо Валла.
Н. Д. ШАХОВСКАЯ — Князь Курбский.
А. Г. ЯРОШЕВСКИЙ — Станкевич.

Издательство „БРОКГАУЗ-ЕФРОН"
Петроград, Прачешный пер., 6. Тел. 553-92.

ОТДЕЛ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХ ИЗДАНИЙ

ВЫШЛИ В СВЕТ:

1. Н. П. АНЦИФЕРОВ. Душа Петербурга. С гравюрами А. П. Остроумовой-Лебедевой. Цена 1 р. 40 к.
2. О. Ф. ВАЛЬДГАУЕР. Римская портретная скульптура в Эрмитаже (40 иллюстр.). Цена 2 р.
3. С. Н. ТРОЙНИЦКИЙ. Каталог вееров Эрмитажа (с 22 таблицами). Цена 3 р.
4. В. А. НИКОЛЬСКИЙ. Древне-русское декоративное искусство (с 24 иллюстр.). Цена 2 р.
5. Н. Э. РАДЛОВ. От Репина до Григорьева (статьи о современных художниках, с 19 иллюстр.). Цена 2 р. 50 к.
6. В. К. СТАНЮКОВИЧ. Фонтанный дом Шереметевых.
7. М. С. КОНОПЛЕВА. Дом Шуваловых.
8. В. Н. ТАЛЕПОРОВСКИЙ. Павловский парк (с рисунками автора).

ПЕЧАТАЮТСЯ:

9. Н. П. АНЦИФЕРОВ. Петербург Достоевского (с рисунками М. В. Добужинского).
10. С. Н. ТРОЙНИЦКИЙ. Английское серебро в Эрмитаже.
11. В. К. СТАНЮКОВИЧ. В. Э. Борисов-Мусатов.
12. Н. П. АНЦИФЕРОВ. Миф и быль Петербурга.

13. М. В. ФОРМАКОВСКИЙ — Фарфор, фаянс и майолика в России (с иллюстрациями).

14. О. А. ДОБИАШ-РОЖДЕСТВЕНСКАЯ. Паломничество на Западе.

15. О. Ф. ВАЛЬДГАУЕР. Античная скульптура в Эрмитаже.

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

Серии.

I. Каталоги отделения драгоценностей Эрмитажа.

Вып. 3. Часы

„ 4. Табакерки.

II. Очерки по искусству и древностям, хранящимся в Эрмитаже и других русских собраниях. (Научно-популярные монографии под ред. О. Ф. ВАЛЬДГАУЕРА).

Вып. 2. Г. И. БОРОВКА. Куль Оба.

„ 3. Л. А. МАЦУЛЕВИЧ. Русское церковное искусство XVIII и XIX вв.

Е. В. ЕРНШТЕДТ. Греческие терракоты Эрмитажного собрания.

О. Ф. ВАЛЬДГАУЕР. Античные вазы с рельефными украшениями.

Г. И. БОРОВКА. Скифский звериный стиль.

О. Ф. ВАЛЬДГАУЕР. Шедёвры вазовой живописи в собрании Эрмитажа.

III. Памятники древности, хранящиеся в Эрмитаже и других русских собраниях.

(Каталоги под общей редакц. О. Ф. ВАЛЬДГАУЕРА).

Вып. 1. О. Ф. ВАЛЬДГАУЕР. Памятники античной скульптуры в собраниях Петербурга и его окрестностей.

IV. Материалы для истории русского искусства (под редакцией Александра БЕНУА и С. П. ЯРЕМИЧА).

Вып. 1. С. Р. ЭРНСТ. Письма русских художников конца XVIII в. и первой половины XIX в.

П. П. МУРАТОВ и Б. Р. ВИППЕР. Живописцы итальянского барокко.

П. П. ВЕЙНЕР. Лекции по истории мебели.

И. И. ЖАРНОВСКИЙ. Венецианское искусство в VIII в.

БИБЛИОТЕКА
Обл. Дома Учителя